

№6
Июнь 2016

РУССКИЙ КЛУБ

КАКОЙ
ЛАЗУРНЫЙ
НЕБОСВОД...

С. 48

«ПЛАМЕННЫЙ
САНДРО»

С. 8

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№6⁽¹²⁸⁾
Июнь 2016

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 26 МАЯ – ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ
- 6 ТБИЛИССКИЙ «ВИШНЕВЫЙ САД» В МОСКВЕ
- 8 «ПЛАМЕННЫЙ САНДРО»
ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ
- 14 ИРИНА КВИЖИНАДЗЕ: «АКТЕР ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРОБИВНЫМ»
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 18 АНАТОМИЯ СТРАСТИ
ИРИНА МАСТИЦКАЯ
- 20 ЛОЗА – СТРАНЫ ПРОЦВЕТАНИЕ!
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 24 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 31 ИЛЬЯ ЗДАНЕВИЧ КАК НОСИТЕЛЬ ИДЕИ АВАНГАРДА
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 36 О СПОРТ, ТЫ МИР!
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 37 «СЛОВНО СЕРДЦЕМ УКОЛОТЬСЯ...»
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
- 42 ПОЭТ, ПУТЕШЕСТВЕННИК И ВОИН
ИРИНА КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ
- 44 КАК НАШЕ СЛОВО ОТОЗВАЛОСЬ...
ВАЛЕРИЙ САНДЛЕР
- 46 ЭНТУЗИАСТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР
НАТАЛИЯ БАСИЛАЯ, АНАСТАСИЯ ЗАКАРИАДЗЕ, МЕРИ НИКОЛАИШВИЛИ
- 48 КАКОЙ ЛАЗУРНЫЙ НЕБОСВОД...
АЛЕКСАНДР ЭКСЕРДЖЯН

На обложке – на проспекте Руставели 26 мая

Фото Александра Сватикова

26 мая Грузия отметила 25-летие восстановления независимости. Театрализованные представления, выставки-продажи цветов, спортивные соревнования прошли в разных уголках страны.

ТБИЛИССКИЙ «ВИШНЕВЫЙ САД» В МОСКВЕ

■ Соб. инф.

Тбилисцы пригласили москвичей в свой «Вишневый сад» в центре российской столицы. Именно в свой, потому что спектакль Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова создан по мотивам последнего сочинения пьесы А.П. Чехова. Версию хрестоматийной пьесы поставил на грибоедовской сцене и представил в московском театральном центре «На Страстном» художественный руководитель Батумского государственного драматического театра имени И.Чавчавадзе, режиссер Андро Енукидзе. Премьера, состоявшаяся в январе 2015 года в Тбилиси, была приурочена к 155-летию со дня рождения Чехова.

Главную роль в спектакле играет лауреат театральных премий К.Марджанишвили, М.Туманишвили и В.Анджапаридзе, народная артистка Грузии Гуранда Габуния. В этой версии «Вишневого сада», выстроенной специально под нее, ее героиня не проживает, а вспоминает происходящее на сцене. Мы видим, что стало бы с Раневской через 20 лет.

Именно эта роль в прошлом году принесла Гуранде Габунии премию «За преданное служение театру» на Международном театральном фестивале «Мельпомена Таврии» в Херсоне. А накануне московской премьеры в Центральном доме актера

(ЦДА) имени А.А. Яблочкиной состоялся творческий вечер замечательной актрисы. И это – лишь одно из значительных событий, обрамлявших московский спектакль грибоедовцев. После него «Парламентская газета» в рамках проекта «Культклуб» пригласила в свой пресс-центр экспертов, режиссеров, актеров и представителей коллектива тбилисского театра. Впрочем, обо всем по порядку.

«ПРИЕЗЖАТЬ В МОСКВУ ЭМОЦИОНАЛЬНО ОЧЕНЬ НЕПРОСТО

Творческий вечер в Центральном доме вела художественный руководитель Тбилисского театра киноактера имени М.Туманишвили, режиссер Кети Долидзе, работавшая с Гурандой Габунией не над одной постановкой. Сама Гуранда Георгиевна отметила, что этот вечер для нее, в первую очередь, даже не желание рассказать чуть больше о себе. Это, прежде всего, встреча с домом ее дорогого друга Маргариты Эскиной – бывшего директора московского Дома актера. Актриса призналась: приезжать в Москву ей эмоционально очень непросто. Последний раз «основательно и с чувством радости» она была в российской столице много лет назад на спектакле «Антигона», в котором играл ее ныне покойный супруг, народный артист Отар Мегвинетухуцеси. Они прожили

вместе более 50 лет. «Всегда было жалко, что я сыграла очень много хороших ролей, но не сыграла Чехова, которого я безумно любила, начиная с «Дамы с собачкой», «Иванова». Любовь к нему неимоверная. И представьте себе, он жил в гостинице, где я сейчас живу!», – поделилась актриса, которую на родине не называют... по имени и фамилии. «Гуранда Габуния» никогда не говорят в Тбилиси. «Как Гуранда?... Вчера смотрел спектакль с Гурандой...Сегодня видел Гуранду... Как здоровье Гуранды»... Понимаете, по имени. Это участь очень больших людей», – убежден Николай Свентицкий.

«Все хотят быть режиссерами жизни, причем не только своей. Но актеров должно быть больше!» – пошутила на вечере Гуранда Георгиевна. О роли, с которой приехала в Москву, сказала: «Я думаю, больше трагизма в отношении «Вишневого сада» у нас. Есть такие, кто говорят, что Раневская не любила вишневый сад, что ей важны были деньги. Нет, она безумно любила его.. Для нее это была такая боль... Кто увидит спектакль, тот поймет».

А что думают об этой постановке ее коллеги по сцене? Режиссер Андро Енукидзе показывает главный символ своего «Вишневого сада» – огромный кружевной зонт, как купол раскрытый над сценой, над декорациями, стилизованные под дряхлеющие предметы стари-

ны. «Этот зонт – наша судьба. Все то, что висит над нами. Дамоклов меч, от которого некуда деваться. Он и хранит, и бранит. Он и тяжесть, он и совесть. Он – все, этот зонт». А вот что сказал перед спектаклем актер Арчил Бараташвили: «Немножко волнуемся. Это все-таки Москва. А это Чехов. А мы грузины. Но даже Чехов, может быть, нас бы простил: спектакль идет час двадцать, и абсолютно ни у кого не вызывает в Грузии ощущения, что что-то пропустили. Самое главное в этом спектакле есть!»

СЧАСТЬЕ ВСТРЕЧИ С ГРУЗИНСКИМ ИСКУССТВОМ

Чтобы понять, как прошел этот спектакль, лучше всего предоставить слово театроведу и зрителям. Московский журналист Александра Авдеева: «Легко, но не легковесно. Порой смешно в соответствии с жанром, порой грустно от одиночества и невозвратности потерь.

Николай Свентицкий на пресс-конференции

Таким был сегодня спектакль «Вишневый сад» Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова в постановке Андро Енукидзе на сцене ТЦ «На Страстном». Первое, что бросилось в глаза, точнее, в уши – безупречная русская речь и произношение (все артисты – грузины!). Такое уже в Москве днем с огнем не сыщешь! Второе – глубина, местами иногда прячущаяся от зрителя, актрисы Гуранды Габуния! Остается только представлять, какой мощной Актрисой она была в молодости, если сейчас заставила, например, в сцене с Петей Трофимовым умирать от восторга! В восхищении осталась от работы Ирины Мегвинетухуцеси. За

свой отрезок времени она была и Аней, и Варей, и Шарлоттой – очень всегда разной и всегда со своими оттенками! Не смог оставить равнодушным и Михаил Арджеванидзе в роли Симеонова-Пищика.

Народная артистка СССР, киноактриса Зинаида Кириенко: «Я сегодня была на настоящем Чехове! Вы понимаете, грузинский театр не случайно привез чеховскую пьесу, где столько боли русской, столько, наверное, общей боли человеческой. Я не хочу и не смогу выделить каждого исполнителя. Мне хотелось бы выразить низкий поклон всем и, конечно, Гуранде Габуния. Оказывается, я ее любимая актриса... А еще больше меня радует, что Грузия вновь у нас в гостях».

ПОЛИТИКА В КУЛЬТУРУ НЕ ВМЕШИВАЕТСЯ

А в редакции «Парламентской газеты», на итоговой пресс-конференции, посвященной московскому выступлению грибоедовцев, речь шла о взаимодействии и взаимопроникновении культур России и Грузии, о перспективах развития отношений этих двух стран, о современности русской классической литературы и ее актуальности в наши дни. Все эти моменты наиболее полно были отражены Николаем Свентицким.

«Сразу после московской премьеры один из критиков восторгался тем, что на сцене театра звучал правильный русский язык устами русского театра из Грузии, – сказал он. – Трудно сказать, ощущаем ли мы себя культурными агентами влияния, но мы являемся носителями правильного русского языка, что не всегда присуще даже местным театрам. Наша функция – пропаганда русского языка, русской классической драматургии, если хотите, русской души. Большая часть нашего репертуара – это русская классика. Чехов, Гоголь, Тургенев. Девяносто пять процентов зрителей театра – этнические грузины.

Задуматься о том, как пропагандировать свою культуру и язык, имея такой мощный инструмент как грузинский театр, должна и сама Россия. Есть федеральная программа, по которой театр проводит свои гастро-

ли, но только этого недостаточно. Больших денег от России грибоедовцы не просят: в театр зовут русских режиссеров, а от правительства ждут заказы на постановку русских классических произведений. В том, что они будут иметь успех, сомнений нет: по данным Гильдии грузинских театральных критиков, в 2015 году среди всех грузинских театров первое место по количеству зрителей занял именно Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова. Политика в культуру не вмешивается – «палки в колеса» русскому театру в Тбилиси не вставляют».

«Нашим странам нужно больше общаться, – уверен председатель общественной организации «Союз народов Грузии», первый посол независимой Грузии в России Петр Чхеидзе. – У нас, ведь, очень много общего: говорят у русских широкая душа. Это же можно сказать и о грузинах. Вековая дружба между нашими народами генетически заложила взаимное уважение и интерес друг к другу. Пока политики занимаются глобальными вопросами, грузинские деятели культуры приезжают в Россию, а россияне все чаще выбирают безвизовую Грузию для туристических поездок. Сложнее с грузинской молодежью: чтобы они полюбили нашу страну, у них должна быть возможность ее посетить. «Конечно, визовый вопрос для Грузии надо решать, – добавляет Николай Свентицкий. – Дайте нашей молодежи возможность посмотреть Россию. Тогда не нужны будут дальнейшие дипломатические усилия».

Сегодня перед Грузией не стоит вопрос, как можно жить в современном мире вне культурных ценностей, которые принесла великая русская культура. «Как можно быть столько лет интегрированными в нее, быть важной стороной этой культуры, а потом просто игнорировать? Это неразумно, – поделился режиссер Андро Енукидзе. – У нас есть блестящие драматурги, однако наш феномен – в отношениях с иноязычной культурой. Грузинский Шекспир эксклюзивно интересен, уникальны и чеховские постановки».

Сандро Ахметели

«ПЛАМЕННЫЙ САНДРО»

■ Вера ЦЕРЕТЕЛИ

«Его энергичное лицо было тогда обрамлено черными кудрями, тронутыми сединой. Его глаза горели, как у Демона. Он вообще в своем искусстве был демоном. Мы были покорены режиссерским темпераментом, который бил через край. Это был не только национальный характер, но и характер самого Ахметели. Каждая его постановка пылала, как костер», — писал о грузинском режиссере актер Николай Волков (старший). «Меня захватывала в Ахметели его страсть, страстность, которой

Тамар Чавчавадзе, Сандро Ахметели, Анакий Хорава

он не боялся... страстность, как свойство, которое он черпал в самой душе грузинского народа и одаривал им всех нас» (И.Юзовский). «Пламенное сердце!» — так назвал его и Феликс Кон, зав. сектором искусств Наркомата просвещения РСФСР.

Таким он был и в жизни: «энергичный, всегда в движении, с одухотворенным лицом и изящным внешним обликом», «обаятельный, чуткий, отзывчивый, доверчивый к товарищам». Но сильная сложная личность всегда полна противоречий: «Порой он был излишне резок, вспыльчив, категоричен, прямолинеен, властолюбив».

Один из создателей современного грузинского театра, Народный артист Грузии Сандро Ахметели родился 1 (14) апреля 1886 г. в горном селении Анага, в Кизики, в большой дружной семье сельского священника. Детство — это то, что остается с человеком навсегда. Особый народный быт и нравы горцев, уникальная природа, бескрайняя Алазанская долина, снежные пики гор Кавказа — все это осталось в нем навсегда. Сандро рос в семье образованных людей, он был четвертым из пяти детей, любимцем и баловнем, и своим характером — смелым, азартным, нетерпеливым — выделялся среди своих старших братьев. Так, пятилетний непоседа, раскалывая топором щепу, ухитрился отхватить себе фалангу на указательном пальце левой руки, что осталось на всю жизнь и очень его смущало. Мать была в ужасе, а он, «сдерживая слезы, дрожащим голосом все повторял: «Мне не больно, мама! Не плачь, мама!» (Т.Цулукидзе).

В 10 лет его отдали учиться (в 1896 г.) в духовное училище в Телави. Здесь он всерьез увлекся грузинской литературой, вел предмет известный писатель Василий Барнов. И здесь же проявилась природная музыкальность Сандро: абсолютный слух и прекрасный голос. Он был зачислен в ученический хор, научился играть на всех грузинских народных инструментах, даже пел в хоре композитора Нико Сулханишвили. Он любил праздники, зрелища, церковные и народные песнопения. С тех пор музыка осталась с ним навсегда.

В 1900 г. он продолжил учебу в гимназии в Гяндже, где его отец получил приход. На первые же каникулы Сандро отправился в Телави, собрал друзей и поставил любительский спектакль. Позже там же он впервые принял участие в профессиональном спектакле «Ханума» А.Цагарели, где вместе с приехавшими на гастроли прославленными грузинскими актерами исполнил роль слуги Тимоте. Его все хвалили, он был счастлив. В гимназии он продержался недолго, его отчислили за вольнодумство и неповиновение. Пришлось везти Сандро в Тифлис, где с большим трудом его удалось устроить в дворянское привилегированное училище, позже переименованное в гимназию. Там он все свободное время отдавал любительскому театру,

Революцию 1905 г. гимназист Ахметели встретил с воодушевлением, бегал в Тифлисе на митинги, сходки. Вопреки запрету участвовал в грандиозной демонстрации, с кровью разогнанной каза-

Сцена из спектакля «Разлом»

ками, что произвело на него неизгладимое впечатление. Он был арестован и очутился в Метехской тюрьме, но к счастью, ненадолго. Оказавшись на свободе, он уезжает к родственникам в Телави, бегает на репетиции домашнего театра, организованного сестрами Ростомашвили, дочерьми известного публициста и писателя Иванэ Ростомашвили. Исполнительницей главной роли в этом спектакле была младшая сестра Тасо (Анастасия). Она вспоминала: «Мы с увлечением беседовали с ним о театре, о наших актерах. Расставаться не хотелось, его горящие глаза притягивали». В ней для гимназиста «открылся идеал девушки», в январе 1907 г. они обвенчались, в том же году у них появился сын Шалва.

В том же году он оканчивает гимназию и вместе с ближайшим другом по гимназии Алекси Мчедлишвили уезжает в Петербург, оставив жену и ребенка у ее родителей. Сандро, имея широкий круг интересов, поступает в университет на юридический факультет, готовясь стать адвокатом. Такое образование давало возможность всегда быть в гуще социально-политической жизни. В будущем его юридические знания скажутся и на его

творчестве – в каждом его спектакле будет слышаться звенящая струна времени. Юноша разносторонних интересов умудрился в студенческие годы сконструировать аэроплан, он испытал его на Мтацминда в Тифлисе, о чем было сообщение в «Сахалхо газеты» («Народная газета»).

Но средоточием его внимания была не юриспруденция, а столичные театры. Он становится завсегдатаем Александринки, Мариинского оперного, где, наслаждаясь музыкой, он мысленно для себя уже корректировал рисунок массовых сцен. Его раздражала статичность хора в «народных» сценах, привычные узаконенные мизансцены солистов...

Это было время бурного развития разных режиссерских направлений в театре, экспериментов и поиска новых средств выразительности: «система» Станиславского, создание Студии МХТ, ежегодные гастроли МХТ в Петербурге, которые он не пропускал. Тогда он еще был их «восторженным поклонником», хотя позже его вкусы и пристрастия изменятся. «Он восхищался не только ансамблем, цельностью замысла и воплощения, но и музыкальностью, красотой, изяществом, строгой гармонией всех частей, ... а главное, что на сцене «господствует искренность», – писала Н.Урушадзе. Кроме открытий Станиславского и Немировича-Данченко, уже были известны своими новациями В.Мейерхольд, А.Таиров, Е.Вахтангов, их поиски были близки новому поколению. Ахметели мог видеть все спектакли Мейерхольда петербургского периода и его студийные опыты нового «импровизационного» театра. Здесь проходили и гастрольные спектакли из Германии М.Рейнхардта и Г.Фукса, новации которых открыли для Ахметели новый взгляд на искусство театра. Он уже осознал невозможность развития грузинского театра без учета достижений мирового театрального искусства и без освоения своих национальных традиций.

В Петербурге он оставался почти 10 лет, понятно, какой огромный запас театральных впечатлений он получил и осмыслил. Как отмечали друзья, у него бывали и депрессии, – на родине его семейная жизнь не ладилась, хотя позже родится второй ребенок, но и это не сделало семью счастливой. Сандро все больше погружался в театр. С 1909 года студент-юрист Ахметели начинает писать о театре, публикует статьи и рецензии на постановки. В них уже проявляется его литературная одаренность и интуитивная пронзительность критика. Он пополняет свое образование, много времени проводит в зале Публичной библиотеки, где напряженно и подолгу работает. В его статьях угадывалось желание перенести театральные новации на грузинскую почву: «Рейн первым в Германии оживил народное представление. Его постановка «Царь Эдип» – это поистине народная мистерия. Для процветания народного искусства необходимы оба театра – М.Рейнхардта и Г.Фукса». Кстати, в будущем Ахметели тоже будет включать в свои постановки элементы народного творчества. А также использовать идею Фукса: «Конструирование сценического пространства с помощью архитектурно-живописных форм».

Азарт театральных новаций бродил в нем с са-

Сандро Ахметели и Тамара Цулукидзе

мого начала. Так, приехав в 1910 г. на каникулы в Грузию, Сандро поставил в Телави и Мачхаани несколько любительских спектаклей, в том числе по пьесе «Измена» А.И. Сумбатов-Южина – кстати, выпускника того же юридического факультета. Это был по сути первый серьезный режиссерский опыт 24-летнего Сандро – репетиции продолжались два месяца: шел анализ пьесы и образов, детальная работа с каждым исполнителем, подготовка декораций. Ш.Дадиани позже вспоминал: «Я был удивлен его необычным подходом к пьесе и ее постановке». На спектакле была вся местная интеллигенция, он был восторженно принят зрителями, о нем писали тифлиссские газеты и журналы.

С 1914 г. он подолгу живет на родине, много пишет, читает лекции по истории театра, выступает с докладами в Народном доме, в Обществе работников культуры. Молодого Ахметели по-настоящему волновало состояние грузинского театра. Осенью 1914 г. сгорело здание, в котором играла труппа Драматического общества – «театр погиб», началось бродяжничество по дворам... Он углубляется в театральные проблемы, в нем проявляются задатки крупного культурного деятеля, строителя нового театра.

В начале 1916 года Ахметели, наконец, завершает учебу в университете и окончательно возвращается на родину. Это был его самый насыщенный период в журналистике – он пишет о театре, о спектаклях, актерах, поэтах. И выводы его неутешительны: на просьбы Драматического общества об организации государственного театра был получен жесткий отказ. Перспективы открылись, когда из Франции вернулся Георгий Джабадари с целью создать новый грузинский театр на уровне европейского. И он организовал Драматическую студию, собрав актеров известных и совсем молодых: Верико Анджапаридзе, Шалву Гамбашидзе, Акакия Васадзе, Додо Антадзе – всего около 60 человек. Первый спектакль студии имел огромный успех, здесь зритель впервые увидел Верико Анджапаридзе в главной роли. Вскоре из-за отсутствия средств студия прервала работу, а руководитель навсегда уехал во Францию. Но след свой

студия оставила: была заявлена необходимость создания театральной «школы».

Ахметели тем временем откликнулся на предложение композитора Д.Аракишвили поставить его оперу «Сказание о Шота Руставели» в Оперной студии Грузинского музыкального общества. «Мы все были в его руках, как воск в руках ваятеля», – вспоминал об этом актер и режиссер М.Квалишвили. «Его мизансцены не были обычными статичными и трафаретными... каждое движение он наполнял эмоцией, оживлял музыкой, пластикой и ритмом... требовал выразительной мимики, жеста, движений». Премьера состоялась 8 декабря 1919 г. в Народном доме (ныне помещение театра им. Марджанишвили), пресса отмечала оригинальность режиссуры, необычную световую партитуру, первый опыт органического включения хора в общий ход действия и приближение костюмов к национальным. Позже в студии в его постановке вышла опера «Паяцы» Леонкавалло, имевшая большой резонанс, как «образец совершенной оперной режиссуры». Так что его врожденная музыкальность всегда была востребована.

Правительство под давлением общественности было вынуждено согласиться на возрождение национального драматического театра. Театр стал называться Государственным театром драмы, худруком назначили А.Пагава, были приняты 4 режиссера, в том числе С.Ахметели. Но главный вопрос с помещением к лету 1920 г. так и не был решен. Тогда актеры решили его сами – заняли здание театра Артистического общества, где и по сей день располагается театр им. Ш.Руставели.

Труппа была укомплектована странно: «не осталось ни одного актера по всей Грузии и ни одного режиссера, который не был бы включен в состав этой труппы», – с горькой иронией вспоминал позже Ахметели. «Театр насчитывал 200 человек, из них 150 актеров. Когда мне сказали, что я должен поставить пьесу, я сидел вместе с Цуцунава 2, 3, 4 дня и думал над распределением ролей... «Ты должен всем им дать роли, иначе они обидятся, это ведь старики по 80-90 лет».

1 сентября 1920 года режиссер Ахметели пришел на первую репетицию в театр, с которым будет связана вся его жизнь, увы, недолгая. Он ставит экспериментальный спектакль «Бердо Змания» по пьесе С.Шаншиашвили – автора, с которым они вместе работали в газете «Сакартвело». «Модернизированный Фауст» – позже сам режиссер так отзовется о пьесе. Из его воспоминаний о репетиции: «Я дрожал так, как никогда в жизни. Я вызвал восемь человек. Сразу же приступил к мизансценированию. Первый же ритмически четко выдержанный жест, легкость пластической формы и динамичность движения в набросанных образах пьесы ошеломили всех присутствующих...». Актеры, занятые в спектаклях Ахметели, отмечали: «Движение и жест Сандро показывал на уровне высочайшего мастера, владевшего тайнами пластического искусства. Он ощущал и музыку движения – когда линия поет. И в мир пьесы он погружался через пластику».

Обструкция, которую планировала провести часть труппы, не согласная с новациями режиссера, не прошла. Уже после первой двухчасовой

репетиции авторитет режиссера вырос. Он возрастал и дальше, но в основном только у молодой части коллектива. Центральные роли он отдал молодым исполнителям, сделавшим первые шаги в студии Джабадари. Всего было проведено 79 изнурительных репетиций, и премьера «Бердо Змания» состоялась в декабре. От актеров он добивался легкости исполнения, шлифовал массовые сцены, отработывая полную симметричность движений. Были включены танцы, пантомимические эпизоды, большая нагрузка ложилась на музыку – было восемь музыкальных номеров, и композитор Д.Аракишвили часто присутствовал на репетициях.

Не менее кропотливая работа проводилась и с художником В.Сидамон-Эристави. И критика, и зрители отмечали, что это были не просто красивые декорации, они играли важную роль в спектакле. Уже тогда Ахметели попытался реализовать важнейшую из идей Фукса – конструирование сценического пространства с помощью архитектурно-живописных форм. Для режиссера было главным стремление слить в единое целое слово и пластику актера, художественное оформление, хореографию, ритм, музыку и свет. Важным было и создание актерского ансамбля, т.к. огромное значение в спектакле приобрели выразительные народные сцены. На репетициях Сандро увлеченно, с азартом рассказывал о гастрольных спектаклях Рейнхардта в Петербурге, об идеях Фукса – и грузинские актеры впитывали все это. Ахметели хотел добиться единства и цельности всех компонентов спектакля, и критика ставила в заслугу их органическое соединение. Хотя в публикациях были некоторые претензии и к спектаклю, и к пьесе.

В феврале 1921 года к власти пришли большевики, наступила новая эпоха. Театры были национализированы, получили статус академических, актеры стали получать постоянную зарплату, театру драмы было присвоено имя Ш.Руставели. Но положение в театре было катастрофическим, бушевали политические страсти, в труппе не было единства между старшим поколением и молодежью, желавшей обновления. На афишах был калейдоскоп спектаклей, а зал пустовал.

РЯДОМ С МАРДЖАНИШВИЛИ

В сентябре 1922 года вернулся в Грузию Котэ Марджанишвили, уже имевший громкое имя, и сразу был назначен руководителем Государственного театра. Ахметели не остался незамеченным и вновь был принят в театр.

Марджанишвили – поразительный режиссер, в любом своем спектакле он искал разные формы, и каждая его постановка была началом другого театра. Он хотел добиться «синтетического» действия, соединяющего драму, оперетту, оперу и пантомиму, как это делал в созданном им в Москве «Свободном театре» (1913-14 гг). Его тифлиские постановки были созвучны эпохе, и в то же время в них присутствовал грузинский национальный характер, режиссер находил формы его выражения. Уже его первый спектакль – несколько видоизмененная киевская постановка «Фуэнте Овехуна» произвела фурор. Своеобразная романтика, героическая возвышенность сценических образов вместе с реализмом в их обрисовке, характерные

для его спектаклей, позже утвердятся в актерском искусстве. Руководитель театра вводит практические и теоретические занятия для актеров, а новые свои спектакли он ставит, привлекая к совместной работе молодых режиссеров, развивая профессиональную режиссерскую школу. Его основным помощником в работе над спектаклями становится энергичный, неординарный режиссер Ахметели, и руководитель возлагает на него большие надежды. У них было около семи совместных постановок, включая «Ламару» по Важа Пшавела, две шекспировские – «Виндзорские кумушки», где играла Т.Чавчавадзе, и «Гамлет» с У.Чхеидзе и В.Анджапаридзе. Кроме того, была и музыкальная пантомима «Мзетамзе» Т.Вахвашишвили, художником которой был Ладос Гудиашвили. Внедряя принципы нового театра, Марджанишвили в то же время не терял связь с культурой своего народа. Марджанишвили ставил в театре не только социальные драмы, бытовые комедии и трагедии, но также оперетту и музыкальную пантомиму. Это жанровое разнообразие способствовало поиску новых выразительных средств.

Для Ахметели это была великолепная школа, где он мог освоить все стили и жанры, и начать поиск своего режиссерского почерка. Несколько спектаклей он ставит самостоятельно. В 1923 году он завершил постановку «Саломеи» З.Палиашвили. Но ее запретили накануне премьеры, и только вмешательство Марджанишвили спасло спектакль. Сандро поначалу был послушным и благодарным учеником, во взаимоотношениях мастера и ученика «царила гармония». Критик Д.Касрадзе позже вспоминал: «Седовласый Котэ относился к Сандро как к сыну. В те дни Сандро не сводил глаз с Марджанишвили, каждое слово Котэ производило на него головокружительное впечатление». Учитель высоко ценил своего помощника, всецело доверял ему, и это сказалось в назначении Ахметели в 1925 г. на пост главного режиссера при худруке театра Марджанишвили.

Четыре года совместной работы этих двух выдающихся режиссеров создали новую эпоху в грузинском театре, который в начале 20-х годов нуждался в обновлении. В театре Руставели не было

Сандро Ахметели и Котэ Марджанишвили

никакого единодушия творческих взглядов, а главное, царил полный развал дисциплины – опоздания, неявки на репетиции, кутежи. Старая актерская гвардия так привыкла: «что хочу, то и делаю». Ахметели – сторонник строгой дисциплины так работать не хотел и не мог.

Главным событием в жизни театра Руставели того времени было создание в 1924 году корпорации артистов «Дуруджи» – это название как знак поклонения Марджанишвили, так называлась бурная река, где он родился. Основной задачей корпорации было преобразование творческой и организационной жизни театра. Ахметели был инициатором этого Содружества молодых актеров, почетным членом корпорации стал Марджанишвили, который поначалу был ее сторонником. В театре началась коренная перестройка, увлечение новыми формами театрального искусства. Однако новшества далеко не всех устраивали, особенно актеров старшего поколения. Не было согласия и между режиссерами разных направлений.

Марджанишвили писал: «Переход от старого к новому я думал осуществить постепенно, безболезненно. Однако переход... чувствительно потряс весь организм театра».

Возникло противостояние молодого поколения и старшего. Тем более что Ахметели в силу своего характера выражал свое мнение откровенно, иногда прямолинейно. Инцидент между Марджанишвили и «Дуруджи» был неизбежен, т.к. корпорация в каких-то случаях вмешивалась в распределение ролей, в решение административных, организационных вопросов. Марджанишвили обвиняет корпорантов в том, что они зазнались, не хотят ни с кем считаться, и заявил о своем уходе. Корпоранты уверяли его, что испытывают к нему глубокое уважение и просили вернуться и снова возглавить театр. Ахметели был на все согласен, лишь бы Марджанишвили остался в театре. Но в 1926 г. их пути разошлись. Через некоторое время из театра ушли Верико Анджапаридзе, Ушанги Чхеидзе, Тамар Чавчавадзе, Шалва Гамбашидзе, Сандро Жоржолиани. С Ахметели остались Васо Годзиашвили, Акакий Хорава, Акакий Васадзе...

«ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ»

«Вихри враждебные» и дальше будут витать вокруг Ахметели. Его семейная жизнь тоже окончательно разладилась, они с женой Тасо официально развелись, он взял опеку над двумя своими сыновьями. Его второй женой

стала замечательная актриса, красавица и верный друг – Тамар Цулукидзе. Он любил ее неистово, это была его обожаемая женщина, хотя ролями ее особо не баловал. К концу своей жизни она напишет книгу «Всего одна жизнь» о себе и своем уникальном муже, о его страшной судьбе «врага народа», расстрелянного в 1937 г., и о своих жутких десяти годах лагерей.

Но все это будет позже, а пока Ахметели еще мог радоваться успехам своих спектаклей. После «Разлома» Б.Лавренева, с не меньшим успехом прошла постановка драмы С.Шаншиашвили «Анзор», а в 1930 году пьеса Григола Робакидзе «Ламара», приписанная Важа Пшавела, так как Робакидзе был запрещен. Спектакль «Ламара» имел для него принципиальное значение: новаторский по форме и по трактовке массовых сцен, где режиссер достигал высокой поэтичности. В роли Ламары блистала его жена Тамар Цулукидзе. Важно отметить, что в спектакле был осуществлен новый способ композиции.

Ахметели называл свой режиссерский метод экспериментальным – он постоянно искал, сомневался. Поначалу он допускал заимствования, но проникая в их суть, переступал за их пределы, находя собственное, исключительное. Навсегда остались в нем следы влияния великих режиссеров-предшественников, творчество которых открывал для себя еще в Петербурге. «Биомеханика» Мейерхольда, который считал, что надо «начинать путь к образу и чувству не с переживания и осмысления, не «изнутри», а извне, начинать с движения», была очень близка молодому Ахметели. Так же, как и «метод физических действий» Станиславского, где особое значение придавалось вопросам ритма, не отменяя при этом психологической глубины актера, который вкладывал в движение всю полноту переживаемых им чувств. Ахметели воспринял эти новации, но в собственном видении, в своей интерпретации.

Глядя на фотографии, запечатлевшие ошеломляющие сцены из спектаклей Ахмете-

Дом-музей Сандро Ахметели в с.Анага

ли, где поражает многогранность декораций, в которых живет и действует каждый из персонажей народной массы, невольно соглашаешься с замечательным театроведом М.Каландаришвили, отметившим, что «дело, скорее всего, в особой тайне метода Ахметели – изобразительной природе его режиссуры... Создание композиционно завершенных картин, подчиненных итоговому результату: построению монументального героического театра...» Режиссер достигал «абсолютной сращенности конструкций с массой». Критик Ю.Юзовский, отмечая своеобразие режиссуры Ахметели, точно подметил, что «актер театра Руставели хочет видеть образ глазами скульптора, постановщик – глазами архитектора».

Действительно, для реализации своих замыслов Ахметели в первую очередь нужен был театральный художник, разделяющий его взгляды. Идеальное воплощение замыслы режиссера находили в работах художника Ираклия Гамрекели. Сценограф развертывал «строительство» конструкций во всем объеме сценического пространства, предоставляя его действию массы «не только горизонтально, но и вертикально». Так Ахметели решал одну из главных задач – подчинение всего пространства сцены движению и жизни масс при абсолютном «раскрепощении актера». Сценография Гамрекели определялась не пристрастием художника к конструктивизму, нет, она рождалась как реализация практических требований режиссера.

Особенность метода Ахметели состояла в полном подчинении режиссеру всех компонентов в процессе рождения спектакля. Работа художника, композитора, каждого актера направлялась и всецело подчинялась непосредственному выражению воли режиссера.

«Он создал свой «театральный язык» – особенный, богатый и разноречивый, вмещающий в себя целый комплекс средств выразительности: начиная от «танцевальности движений, фиксации определенных поз и жестов, и кончая проявлениями подчеркнутой декламацион-

ности, а также разработанной в театре им. Руставели системой ритмизированных хоровых выкриков...» Многих критиков, писавших о спектаклях Ахметели, поражала «органичность, с которой актеры переходили от речи к песне, от жеста – к танцевальному движению».

В своих исканиях Ахметели опирался на живую традицию народной грузинской танцевально-песенной культуры, а в своих спектаклях он стремился к воспроизведению ее богатых многообразных форм – и пластических, и голосовых. Во всей полноте своеобразие режиссуры Ахметели отразилось в двух сценических редакциях «Ламары» (1926 и 1930 г.), много значивших для истории грузинского театра. Известный театровед В.Н. Всеволодский-Гернгросс, отмечая своеобразие его режиссуры, писал: «Отличительной чертой театра им. Руставели является создание особого жанра симфонического музыкального спектакля. В нем оркестр, пение, речь, движение, пляска составляют органичное единство... Доминантой является движение актера, в сумме готовое переключить драматический жанр в хореографический».

Если творчество обычно приближает к тайне, то жизнь человеческая уж и вовсе непредсказуема. Казалось бы, успех спектаклей Ахметели на гастролях в 1930 году в рамках Олимпиады театра и искусств народов СССР, показанных в Москве, безграничен. А сила их эмоционального воздействия такова, что, когда шел «Анзор» (переделанный С.Шаншиашвили вариант пьесы «Бронепоезд 14-69» Вс.Иванова), то «третий акт зрители смотрели стоя, полностью включившись в происходящее на сцене». Восторженным откликом профессионалов не было конца – не только российских, но и зарубежных. Приглашения на гастроли шли отовсюду. А.Луначарский писал в статье «Итог»: «Театр имени Руставели поразил Москву... Он выдвигается в первый ряд мировых театров...» Уже было запланировано большое турне по Америке, вскоре пришло приглашение провести турне по Европе. Казалось бы, что может быть важнее

Памятник Сандро Ахметели в сквере на улице Мачабели в Тбилиси

для театра и его руководителя – впереди всемирная слава!

Но не тут-то было! Берия, уже давно державший Ахметели под прицелом, положил конец надеждам на перспективу зарубежных гастролей, а позже и на жизнь. В своей докладной он пишет, что Ахметели ведет подрывную деятельность, и с 1924 года руководит антисоветской организацией «Дуруджи». 13 сентября газета «Заря Востока» напечатала постановление об отстранении А.В. Ахметели с поста художественного руководителя театра Руставели. Его место было предоставлено А.Васадзе, который потом получит звание Народного артиста СССР. Ахметели, оказавшись не у дел, уедет в Москву и «глухой ноябрьской ночью» 1935 г. будет навсегда разлучен с женой, которая вскоре окажется на далеком Севере на много лет лагерей. А в 1937 году – его разлучат и с жизнью.

Вот так героико-революционный пафос спектаклей Ахметели продемонстрировал всему миру свою оборотную сторону. А сам режиссер оказался жертвой политических репрессий. Но Ахметели навсегда останется символом своего времени – и в театре, и в жизни. Недаром в 1933 году он успевает создать свой последний шедевр по драме Ф.Шиллера «Разбойники» («Ин Тираннос!»), т.е. «Против тиранов!». Звучит как завещание потомкам.

Ирина Квижинадзе со студийцами

ИРИНА КВИЖИНАДЗЕ: «АКТЕР ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРОБИВНЫМ»

■ Медея АМИРХАНОВА

Н овеллу «Фараон и хорал» О'Генри написал в 1904 году, но его герои живы и сейчас. Иначе руководительница студии «Золотое крыльцо» Ирина (Ираида) Квижинадзе не взялась бы за постановку мюзикла «Нью-Йорк, Нью-Йорк». Ее волновала эта тема – молодого человека, который бездумно растрчивает время. Бьет баклуши, а спохватившись, обнаруживает, что поздно. Пусть в реальной жизни их зовут другими именами, и у них, в отличие от Сопи, есть крыша над головой, улица остается для них вторым домом. «Биржевание» вытесняет интерес к учебе, работе, «заземляет» желания до примитивных.

Актер Саша Еленин – обаятельный Сопи, первостатейный бездельник. Его не только не гнетет собственное положение (гол, как сокол), внешний вид (пыльный свитер и брюки), напротив, он преподносит их с достоинством. Напускает романтики. «Эта скамья – мой

письменный стол и диван». Молоденькие уборщицы покупаются, даже подсчитывают знаки внимания от Сопи: одной дал откусить бутерброд, другой – подарил полдоллара. Хороша бродяжка Мадлен (Александра Давтян) – разбитная, неунывающая, сердобольная. Поддержит друга в трудный момент – пирожок раздобудет, содержимым фляжки поделится. Хотя сама – потухшая душа. Балетная афиша – соль на рану. Не всегда собирала бутылки и одевалась в рвань (сапог с испорченной змейкой, перевязанный шарфом – находка для образа). Сны у нее светлые, из прошлого – в одной из сцен Мадлен исполняет танец лебедя. Для зрелищности добавили в спектакль еще две сцены: танцующих дворничих и сон Сопи, где он в окружении артисток кабаре. Роль легкой мысленной красотки, открытой для приключений, с шиком исполнила Натия Макалатия.

Энергия молодости так и

брызжет из этих ребят, они пробуют себя, получая колоссальное удовольствие от сцены, от игры, от зрительских аплодисментов. Они-то точно знают цену времени, научившись успевать и в школе, институте, и в театре-студии «Золотое крыльцо».

Студия родилась семь лет назад. С самого начала этот проект президента «Русского клуба» Николая Свентицкого был ориентирован на конкретного человека – заслуженную артистку Грузии Ирину Квижинадзе. Она восемь лет проработала педагогом в Москве, в школе искусств, и довольно успешно: ее постановки выигрывали на конкурсах призовые места. Объявили набор, разместив информацию на страницах журнала «Русский клуб», в прессе, на ТВ. Откликнулось огромное число желающих. Но им еще предстояло пройти кастинг. Потому как актерство – призвание. «Можно научить человека играть по всем правилам, но чуда на сцене не произойдет, если нет движения души», – говорит Ирина Владимировна. В силу опыта она чувствует эту искру при первом знакомстве. Даже если этого пока не видят окружающие. «Мне иногда говорят – вот этот хорошо сыграл, а этот не очень. Но мне неважно, что скажут. Я выпускаю новичка на сцену, сознавая, что ему нужно дать немного времени. Во второй, третий раз он сыграет лучше».

Первоначально студия состояла из младшей (с 9 до 15 лет) и старшей (с 15 до 18 лет) групп. Репертуар младшей составляли сказки, старшие воспитанники играли классику. Со временем «Золотое крыльцо» трансформировалось в юношескую студию. Так как актеры подросли и разница в возрасте «стерлась». В объединенной труппе 27 человек, поэтому нет необходимости (и возможности) брать новых. «Никого не гоним, – смеется Ирина Квижи-

«Мое милое привидение»

«Снегурочка»

надзе. – Уходят редко, только если переезжают в другой город. Текучести у нас нет». Некоторые ребята – студенты вузов, есть те, кто уже работает.

Важный для Ирины Владимировны критерий отбора: каков человек. Поступки все скажут – лучше всяких слов. Она разочаровывается, если замечает безответственность, зависть, жадность, предательство, и тогда отказывается от сотрудничества. К счастью, такие случаи – редкость. «Это не про моих деток, – говорит она. Мы уже срослись, одна семья, любим, уважаем друг друга. Я чувствую ответственность за своих ребят, в те часы, которые принадлежат мне, стараюсь воспитывать их, что-то дать, привить, объяснить».

– Сталкивались с противоречием: невероятно талантливый, подающий надежды, но завистливый? – спрашиваю у нее.

– Дожила до своих лет, и думала, что такого не бывает. Но жизнь умеет удивлять. И талантливый может иметь темную душу. Знаю несколько известных артистов с таким складом характера (знакомые по Москве). Человек не должен ставить себя выше других. Презираю актерство в плохом смысле слова. Благодарна судьбе, что чаще встречаю другое: чем талантливее чело-

век, тем он проще в общении, добрее.

Создание студии задумывалось с несколькими целями: вернуть в театр зрителя, занять молодежь полезным делом. Зрительский дефицит испытывали все грузинские театры, катаклизмы и превратности нашей жизни отодвинули культуру на задний план. Роль улицы в жизни подростков – тоже большая проблема, с которой сталкивались многие родители. Чего достигли в итоге, слушаем Ирину Квижинадзе.

– За семь лет существования студии мы приобрели, завоевали своего зрителя. Вначале, что совершенно естественно, на спектакли приходили родители, знакомые, одноклассники и учителя наших актеров. Теперь круг расширился. Прочитав анонс в интернете, в «Русский клуб» обращаются за приглашениями и незнакомые люди, кто пожелает. Ни одного свободного кресла на премьерях.

Попав в «Золотое крыльцо», дети меняются на глазах. Все-таки влияние театра трудно переоценить, он действует магически. Многих мальчишек мы спасли от улицы, от «биржи». К слову, наш «Нью-Йорк, Нью-Йорк» – о праздности, безделье, потерянном времени, и о том, что из этого вышло. Воспитанники «Золотого

крыльца» получают начальное актерское образование, много читают, неплохо разбираются в классике: знают творчество Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Чехова, Куприна и др. Потому, что мы все это ставим. Я учу их, чтобы интернет использовали с толком. У этого поколения есть возможность читать любые произведения, не дожидаясь очереди на книгу в библиотеке.

Чтобы занять студийцев, никого не обидев, надо продумать репертуар, изменить сюжет, дописать новые роли. Решают проблему и два актерских состава для каждого спектакля. В нынешнем году у «Золотого крыльца» состоялись две премьеры: «Нью-Йорк, Нью-Йорк» и «О, женщины, женщины!» по рассказам Чехова. Немного о втором спектакле. Это отличный материал для изучения женской психологии. Три женских типажа, которые ставят в тупик персонажей-мужчин: напористая, упрямая и вспльчивая Наталья Степановна из «Предложения», чувствительная, кокетливая вдова, «тихий омут» Елена Ивановна («Медведь»), жертва-агрессор г-жа Мельчуткина, жена губернского секретаря из «Юбилея». Тема взаимоотношения полов чрезвычайно интересна студийцам.

«Сказки Пиросмани»

«Однажды в Тбилиси»

Им понятен мир чувств, иначе не получилось бы сыграть. Конечно, сперва Ирина Владимировна играет и показывает им сама, как можно сделать роль. Она умеет добиваться результата. «Сложно, но достижимо», – говорит Ирина Квижинадзе. Между прочим, наставнице доверяют сердечные тайны, испрашивая совета. «Я знаю про симпатии, влюбленность, мы же одна семья. С детьми можно найти общий язык, если их любишь. Они это чувствуют, отсюда доверие».

Получили признание, ощутили эйфорию от реакции зала, букетов, оваций, выставили фото со спектакля в соцсетях, набрав массу лайков и – снова за работу. Нельзя почивать на лаврах. Теперь работают над пьесой Джона Патрика

«Странная миссис Сэвидж». Довольно известное произведение, в 80-х его часто ставили на тбилисских подмостках. Хотят сыграть вместе с наставницей, она думает согласиться. «За лето подберу еще какой-нибудь материал, чтобы всем дать равноценную работу», – делится Ирина Владимировна.

Репетиции у «Золотого крыльца» проходят по выходным, и занимают целый день – с 10 утра до 20.30 вечера. Плюс дополнительные дни, если близится премьера. На протяжении репетиционного дня ребятам дается возможность передышки – одни играют, другие в ожидании своего черед могут отлучиться. За короткий промежуток времени проделывается большой объем работы. Порой спек-

такль ставится за 16 репетиций. Квижинадзе вспоминает сезоны, когда выпускали по пять спектаклей в год.

Обычно творческий процесс происходит в зале на седьмом этаже. Когда спектакль почти готов и остается «довести его до ума», перебираются на малую сцену Грибоедовского театра. «Дети очень трепетно относятся к сцене, – говорит Ирина Владимировна. – Как к чему-то святому. Мы благодарны театру за такую возможность. Это и вправду счастье».

Костюмами обеспечивает «Русский клуб», декорациями – театральные мастерские. Хотя в спектаклях «Золотого крыльца» немного декораций – актерская игра для Квижинадзе первична. Обучение в студии бесплатное (!). В наше время, когда всюду приняты поборы, и в секциях и кружках на родителей смотрят, как на банкоматы.

Ирина Владимировна уступает ученицам свою гримерку. Юноши готовятся к выступлениям в одной из мужских гримерок. Довериться волшебным рукам Натальи Чумаковой, гримера экстра-класса – большая удача. «Наташа, фанатично преданная Грибоедовскому, – рассказывает Квижинадзе. – Таких сегодня мало. Ею движет интерес, неистощимая фантазия, желание эксперимента. Помимо грима она придумывает для нас аксессуары».

Хореограф Дато Метревели работает в студии со дня ее основания. «Потрясающе талантливый, все схватывает на лету, – отзывается о нем Квижинадзе. – В наших постановках традиционно много песен и танцев».

Музыку для «Золотого крыльца» пишет композитор Тенгиз Джаиани. Одна из последних работ – «Нью-Йорк, Нью-Йорк». Еще один незаменимый участник творческой команды – звукорежиссер и художник по свету Александр

Коровкин.

Ирина Владимировна признается, что ни разу не смотрела спектакли студии из зала. Слишком высокое нервное напряжение. Предпочитает стоять за кулисами. Зная об этом, артисты потом пристают с расспросами: «мою сцену видели, как я сегодня?». «Мои детки стали опытнее», – оценивает она их уровень игры.

Многие студийцы, получив практику, успешно поступили в университет театра и кино им. Ш.Руставели (русский сектор). «Нынешний второй курс все хвалят, любят, и, насколько я знаю, разберут их всех, когда они закончат учебу, – говорит Квижинадзе. – Я была бы счастлива. Дай Бог, чтобы изменились отношения между Грузией-Россией, и у выпускников появилась возможность выезжать, устраиваться, чтобы существовал выбор. Один русский театр для такого количества талантливой молодежи – мало».

«Можно прийти в актерскую профессию, но чтобы остаться в ней – нужен характер. Актер очень зависим. Поэтому помимо таланта надо иметь целеустремленность, быть пробивным. Не стесняться предлагать себя на какие-то проекты, активничать, заинтересовывать свежими идеями, предложениями. Под лежачий камень вода не течет. Иначе придется тяжело. Мы видим, наблюдаем, что случается с одаренными, но невостребованными актерами. Думаю, без пробиваемости теперь нигде не обойтись. Жизнь другая, жестче. Моему поколению это трудно понять, трудно привыкнуть. Мой театр дал мне возможность реализовать себя. В моей судьбе все совпало: я любила театр, мне везло с ролями».

В репертуаре «Золотого крыльца» 26 спектаклей. «Зеркало», «Однажды в Тбилиси», «Мое милое привидение», «Воспоминание», «Монах», «Царь-шут», «Снегурочка»,

«Играем классику»

«Подарок Буратино»

«Испанские картинки», «Принцесса на горошине», «Ганс Чурбан», «Сказки Пиросмани», «Играем классику», «Волшебный сон», «Ландыш и ромашка», «Подарок Буратино», «Играем Чехова», «Любви печальные страницы» (концертные постановки к юбилеям Блока, Пастернака, Есенина) и др.

На гастроли в другой город студия «Золотое крыльцо» выезжала один раз. Повезли в Поти «Снегурочку» по Островскому. Запомнилось надолго – аншлаг, теплое общение со зрителями, приглашение приезжать снова, море романтики. Николай Свентицкий обещает скоро новую поездку в Аджарию.

«Золотое крыльцо» приглашают в школы, с выездным спектаклем. В принципе, это

осуществимо. Нужен только вместительный актовый зал, как в прежние времена. Сейчас функции актовых залов утрачены, школьные мероприятия не в моде, поэтому не везде сохранились площадки для выступлений. Вопрос с музыкальным оформлением можно решить (магнитофон). Придется лишь обойтись без театрального освещения.

Ирина Квижинадзе уже не мыслит себя без «Золотого крыльца». «Студия просто спасает мне жизнь. Я даже не знала, что настолько люблю детей». Также нуждаются в ней воспитанники. Чтобы постоянно быть на связи, решили приобщить к соцсетям. «Мне надо к интернету привыкнуть, – говорит Ирина Владимировна. Хотя сын давно все настроил. Дала себе слово, что за лето освою».

АНАТОМИЯ СТРАСТИ

ИРИНА МАСТИЦКАЯ

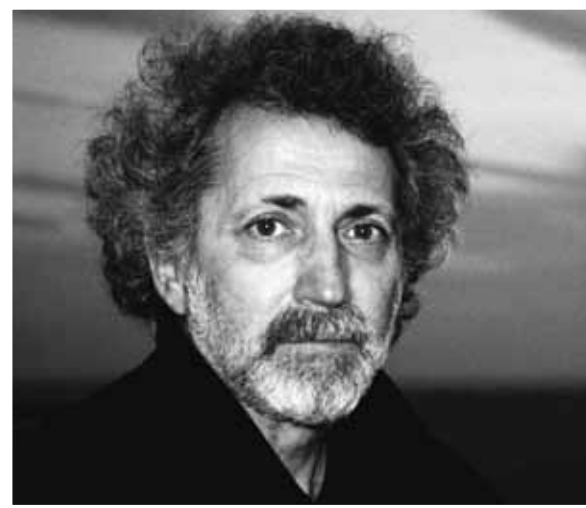
В середине апреля нынешнего года было явление шедевра Бориса Эйфмана грузинской публике.

Завороженный балетом «Анна Каренина» на музыку Чайковского зал долго безмолвствовал, чтобы в конце второго акта взорваться нескончаемыми аплодисментами. Город заговорил об уникальности спектакля, причем не только бывалые тбилисские театралы, но и те люди, которые слово «балет» не произносили никогда в жизни.

Очевидно, что классический русский балет – лучший в мире! Это грузинская публика знает не понаслышке, но то, что происходило на сцене, было сверхновым русским балетом. И он был очередным витком, новой эпохой!

В свое время тбилисский зритель был избалован звездами балета мировой величины. Майя Плисецкая, Михаил Барышников, Максимова и Васильев, юные Павлова и Гордеев, Нино Ананишвили и Андрис Лиэпа и многие другие не раз блистали на сцене Тбилисского оперного театра имени З.Палиашвили. Публика была подготовленной. Она разбиралась во всех нюансах балетной техники каждого мастера и восторженно приветствовала даже знакомый поворот головы. В свое время с удовольствием тбилисский зритель «отведал» изящные мини-балеты Якобсона, чтобы потом насладиться ярким балетным пиршеством Баланчина.

Сегодня Оперный театр на новом витке. Та же мавританская роскошь отреставрированного театра. Вновь аншлаг... Прекрасная публика. Много известных лиц. Дамы в вечерних платьях, сидящие на ступеньках амфитеатра – и это нормально для истинных театралов. Юные студийки с лебедиными шейками, бегущие со стульями на

Борис Эйфман

ярусы, как только гаснет свет. Немного грустно от зрелища восстановленного занавеса, в памяти старый еще прекраснее. Не хватает звуков убаюкивающей настройки инструментов из оркестровой ямы под угасающую люстру: спектакль идет под фонограмму.

Но вот на сцене начинает происходить нечто совершенно новое, что невозможно потревожить аплодисментами. Кордебалет петербургского театра весь состоит из звезд. Перевоплощение происходит мгновенно. Солисты вышли за границу техники классического танца. Возможности их пластики беспредельны. Хореограф пишет их телами любые самые сложные произведения.

Литературных ограничений больше нет. Толстой, Достоевский, Шекспир, Булгаков. Что ни балет, то философский трактат. Тридцать лет Борис Эйфман отбирает в свою труппу лучших из лучших и выводит каждого за пределы личных

возможностей. Каждый новый балет критики и публика воспринимают как оскорбление, а с годами признают шедевром. И каждый раз Эйфман проходит путь от «балетного диссидента» до «философа от балета».

Не миновала такая судьба и балет «Анна Каренина», поставленный в 2005 году. Сначала обвиненный в порнографии, а затем награжденный всеми известными балетными премиями.

Ставить «Анну Каренину» было очень рискованным экспериментом, поскольку предыдущий одноименный балет был создан Майей Плисецкой на музыку Родиона Щедрина и для звездного состава – Плисецкая, Лиела (Гордеев), Фадеичев.

Тот балет был безупречен по красоте и близости к произведению Льва Толстого. Исторический профиль Майи и кружащийся снег заменяли любые декорации. Казалось, куда уж лучше?! Эйфман сделал не лучше и не хуже, он сделал по-другому!

Тема Анны Карениной – вечная. Для некоторых это роман-недоумение. Почему под поезд?

Увы, мир знает много юношеских самоубийств на почве несчастной любви, когда детям кажется, что мир рушится. Но женщина с нормальной психикой? Или в начале психического заболевания, когда еще окружающим незаметно? Борис Эйфман провел собственное исследование психики влюбленной женщины.

Весь спектр всевозможных оттенков переживаний разных влюбленных женщин он собрал в одном флаконе, перемешал и выплеснул на сцену в виде животрепещущей пластической материи – вибрации пространства. Пожалуй, рукописный текст не может быть выразительнее.

На сцене несколько раз появляется кровать, поскольку танцевать-исследовать станут все – страсть, половое бессилие, отчаянье, извинение,

прощение, восторг, оргазм, раскаяние, охлаждение и т.д. Гиперяркие чувства всегда на грани самоуважения-самоуничтожения, а потому безнадежны. Интеллект и внутренняя культура – усугубляют трагедию. Поэтому невыносимо тяжело смотреть на дуэты Анны и Каренина, глубоко чувствующих, умных людей, не сумевших дать счастье друг другу, и оказавшихся совершенно беззащитными против офицера Вронского. Но и Вронский оказывается затянутым в смертельную воронку страсти, пугается и бежит.

Безумная любовь всегда губительная ловушка, продолжает размышлять хореограф. Круговая детская железная дорога – символ такой ловушки. В начале спектакля в ней маленький Сережа катает игрушечный паровозик – это ловушка безумной материнской любви. В конце первого акта в нее бросается Анна, оставив мужа и сына. Но люди сильные, они справляются со всем, вырываются из любых ловушек. Справилась бы и Анна, если бы только не стала наркоманкой. Дело уже не в сыне, не в бросившем ее Вронском, и, конечно же, не в светском обществе. Они все отошли на второй план. Она борется сама с собой, с чем-то ужасным в своей голове – со своим безумием. И его она бросает под поезд.

Все это станцовано до мороза по коже выразительно. В картине наркотического опьянения Анны Эйфман явно сменил автора. Это уже не Толстой, а Достоевский.

Лилия Лишук – Анна Каренина – великая драматическая актриса. Ее техника и пластика уже не имеют значения, она просто умирает у нас на глазах.

Дмитрий Фишер – Каренин, получивший от Эйфмана «самую красивую породистую хореографию», Смоктуновский от балета. Достойный, а не жалкий в своем мужском оди-

Сцена из балета «Анна Каренина»

ночестве. Наименее интересен Вронский, хорошо танцующий то, что поставил хореограф. Особый восторг – кордебалет, бесконечно превращающийся из изысканной бальной публики в скачущих лошадей, пирующих офицеров, персонажей карнавала и наркотического бреда и, наконец, в механизм паровоза-убийцы.

Поскольку Борис Эйфман подает весь спектакль как некий любовный напиток, либо как новый роскошный аромат духов, то для него очень важен флакон. И таким потрясающим флаконом к балету являются декорации Зиновия Марголина, выполненные, как кружевная бронзовая колоннада Петербурга. На фоне которой трепещут красный, черный, голубой, белый и снова черный туалеты Анны. Безумно красиво и талантливо! После спектакля остается удивительное послевкусие – ощущение роскоши!

P.S. В день спектакля на грузинской сцене в Москве Борису Эйфману вручали премию «Золотая маска» за выдающийся вклад в развитие театрального искусства, а актерам его театра – «Золотые маски» за лучшую женскую и мужскую роли в новом балетном спектакле «Up & Down» по роману Фитцджеральда «Ночь нежна».

Вахушти Кизикурашвили

ЛОЗА – СТРАНЫ ПРОЦВЕТАНЬЕ!

■ Владимир САРИШВИЛИ

Праздником для всей Грузии стал день, когда мир узнал о том, что древнейший грузинский способ изготовления вин с помощью зарытых в землю глиняных кувшинов – квеври самых разных объемов – был добавлен в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Время, предшествовавшее этому решению, измерить можно, но сложно. К примеру, влиятельное британское издание «The Financial Times» пишет (цитируем еженедельник «Вестник Патриархии»): «Мировое сообщество заново открыло Грузию как страну с богатейшими традициями виноделия. Мировое сообщество поддерживает амбиции Грузии в ее утверждении как родины вина и виноделия. Именно здесь найдена керамическая посуда для винопития, датированная 6 тыс. до н.э., на которой выгравирована виноградная лоза».

Вот мы и подошли ближе к главным предметам-символам нашего материала. О них, и не только о них, мы беседуем с председателем НПО «Амагда-

ри» («Попечитель»), сопредседателем научного центра по виноградарству и виноделию при Патриархии Грузии, академиком Вахушти Кизикурашвили.

Послужной список моего собеседника столь внушителен, что сам по себе может стать темой довольно просторного очерка.

Недавно перешагнувший 75-летний рубеж академик Национальной академии Грузии, действительный член Грузинской Фазисской академии наук, действительный член Международной Калифорнийской академии науки, образования, индустрии и искусства Вахушти Кизикурашвили – представитель, как раньше принято было говорить, технической интеллигенции. С младых лет причастился он к сфере виноделия, постигая азы науки на винзаводе в Цителицкаро на разных ответственных должностях.

Затем окончил Московский пищевой институт, став, как теперь принято говорить, менеджером сельскохозяйственной продукции. И с годами стал профессионалом самой высо-

кой пробы и в вопросах животноводства, и мясо-молочной промышленности, и практически во всех сферах сельскохозяйственной деятельности. Основал и возглавил ряд фирм, ведущих успешную деятельность.

– Научный центр по виноградарству и виноделию при Патриархии Грузии основан по желанию и благословию нашего Католикоса-Патриарха Илии II. В настоящее время организацию возглавляет секретарь Патриарха протоиерей Микаэл Ботковели, я – сопредседатель организации. Протоиерей Микаэл Ботковели – знаток виноделия, сам владеет виноградниками. В состав учредителей винодельческого научного центра входят пять университетов Грузии.

Вино – вообще дело серьезное. Но давайте уточним, ЮНЕСКО принял в свой список не вино в квеври, а виноградное вино, произведенное в квеври. Фактов, подтверждающих наличие подобной технологии когда-либо или где-либо в мире, нет. Не так давно научный мир

счел доказанным факт обнаружения виноградных косточек в кувшине, которому 8000 лет.

Патриарх предложил нам основать научный центр не только с целью проведения исследований, но чтобы пробудить и повысить интерес как нашей, так и зарубежной общественности к виноградарству и виноделию. Ведь всем известно, что Спаситель называл вино Своею кровью. А что может быть чище Крови Христовой? Поэтому, узнав о нечистоплотных технологиях производства вина, наш Патриарх, случилось, плакал. Так же переживает наш духовный отец обо всем негативном, происходя-

Фестиваль молодого вина на Мтацминда

щем на нашей святой земле. Я убежден: он – единственный, кто переживает боль Грузии столь искренне и остро.

Отжим и производство напитка должны быть совершенно стерильными. Я долго постигал эту технологию, обучал своего сына, когда он подросток. Николоз – винный технолог. Дочь Нино также причастна к нашему делу и работает в близкородственной сфере, она – химик-эколог.

– **Расскажите, пожалуйста, как происходит процесс изготовления вина в квеври – в самых общих чертах...**

– Осенью квеври по самую горловину закапывают в землю и заполняют виноградным соком, а после завершения брожения сосуд запечатывают до весны.

Подвалы, в которых хранят вина, называются марани. В марани вино настаивают на

мезге – массе раздробленного винограда (кожица, мякоть, сок, семена, с гребнями) в течение нескольких месяцев. По весне сосуды вскрываются, вино снимается с осадка, после чего оно становится пригодным для употребления. Но тут еще целый фолиант тонкостей.

– **У этого метода есть и противники. Они утверждают, что в процессе производства вина в квеври трудно, если вообще возможно, соблюсти все требования гигиены.**

– Авторам этих публикаций, должно быть, неизвестно, что у нас тысячелетиями существует профессия мойщика квеври. Не мойщика стекол в маркетах, а мойщика квеври, и эта профессия требует большого опыта, терпения и знаний, нередко передающихся по наследству. А еще – муравьиного трудолюбия. Потому-то и получается качественное вино. А «фастфуд» в любом виде – жидком или твердом, служит только барышам бизнесменов. Которые, конечно, заинтересованы в «дискредитации» опасных конкурентов.

– **Песни о том, что вино, изготовленное в квеври, – устаревшая технология – из**

той же «оперы»?

– «Древняя» и «устаревшая» – не одно и то же, хорошо бы им объяснить. Да незачем, мир и без того приходит к выводу, что эта древняя технология более совершенна, чем современные автоматизированные системы.

Спрос на грузинское вино продолжает расти во многих странах мира. Согласно статистическим данным Национального агентства вина, экспорт грузинского вина в январемарте 2016 года вырос на 51% по сравнению с данными за аналогичный период прошлого года. В 26 стран мира Грузия экспортировала около 7,7 миллиона бутылок (0,75 литров) вина на сумму более 18,1 миллиона долларов.

Россия находится на первом месте среди экспортеров грузинского вина. За первые три месяца Грузия отправила в эту страну 4,1 миллиона бутылок вина. Таким образом, экспорт вина в Россию вырос на 124%.

В пятерку основных экспортеров также попали Украина (около 1,1 миллиона бутылок), Казахстан (более 784,8 тысячи бутылок), Польша (более 443,2 тысячи бутылок) и Китай (371,3 тысячи бутылок).

– И эти показатели должны увеличиваться. Ведь виноградная лоза и вино, изготовленное в квеври, – не только сакральный символ Грузии, это и основа национального богатства.

– Как в былые времена шелк и бумага в Китае, стекло в Венеции и т.д. – Примерно так. Причем интересно, что метод квеври, один из архаичных культурных слоев в Грузии, ассоциируется не только с каким-нибудь одним, конкретным регионом, а присущ всем регионам виноделия и виноградарства: Кахети, Картли, Имерети, Рача-Лечхуми, Абхазия, Самегрело, Аджария, Самцхе-Джавахети и др.

– **Какими особенностями отличаются вина, произведенные на принадлежащих вам виноградниках?**

– Наше кахетинское вино, производимое в Карденахи, очищается с помощью коллоидного серебра. Можно назвать это своего рода революцией, но о том, что коллоидное серебро – лучший в мире антисептик, было известно еще до эпохи прародительницы европейской медицины, колхидской царевны Медеи. Для сравнения – если изобретенный чуть ли не вчера пеницилин убивает до 10 разновидностей микробов, то коллоидное серебро 650 (!).

– **Почему же об этом серебре как бы забыли?**

– Если в производстве вина использовать этот антисептик вместо современных соедине-

ний, сохранность вина увеличивается в 10 раз! Соответственно увеличивается прибыль. Не знаю, как в других странах, но в СССР коллоидное серебро запретили в 1939 году. Хотя эффект его целебных и антисептических свойств был настолько бесспорен и безальтернативен, что вышло секретное предписание включать его в рацион летчиков, подводников, представителей других вредных для здоровья профессий.

Урожай следующего года мы будем обрабатывать коллоидным серебром. И то, что Патриарх доверил именно нам поставлять церковное вино и для трапез, и для причастия, уже говорит само за себя. Переработали пока лишь 130 тонн винограда. Из него будем производить белое вино «Царапи» и красное «Саперави».

В нашем хозяйстве в Карденахи – в ожидании винограда безмолвствуют 700 квеври... Причем некоторые из них зарывали в землю еще при Николае II, когда последний император отдыхал в Боржоми.

Параллельно мы ведем работу над восстановлением знаменитой цинандальской энотеки выдающегося грузинского поэта-романтика, князя Александра Чавчавадзе, отца Нины Грибоедовой и Екатерины Дадиани.

Еще один важнейший аспект работы нашей организации – передача под попечительство Патриархии Грузии генофонда, доставшегося в наследство от СССР и сохраненного в фондах хранилищах ряда научно-исследовательских институтов. А это – более 500 сортов винограда, среди которых немало уникальных.

– **На своем журналистском веку доводилось немало слышать о различных традициях, обрядах и уставах, связанных с вином и виноградарством. Не удивите ли чем-нибудь новым?**

– Наверное, мало кому известно, что наряду со столовыми крестьянскими, монастырскими, царскими, особо выдержанными, дорогими винами, у нас существовало так называемое «Самезобло» («Соседское») вино. Его носили соседи в церковь в день поминовения святого, которому эта церковь была посвящена. Это служило великим объединяющим началом, способствовало общению, установлению более близких и даже родственных отношений (бывало, там и встречались будущие муж и жена).

А было еще и «Сагвареуло» («Родовое») вино – его производили представители тех или иных фамилий.

Мы по сохранившимся рецептам освоили технологию производства ряда подобных вин.

Сохранились исторические сведения и о таком обычае: если в тот или иной год лозы плодоносили скудно, одну из них срезали и храни-

ли до нового молитвенного шествия в день поминовения святого, которому посвящена церковь в том или ином селении. Лозу эту участники шествия приносили с собой и возносили молитвы о богатом урожае и благоденствии на будущий год.

О том, что в Грузии не устраивали пиршеств с красным вином, многим, наверное, известно. Главные мотивы этой традиции сохранились и по сей день. Обычно застолья проходят под белое вино, а красное подается в небольших количествах, «для вкуса» и... для женщин, которым испокон веков не пристало у нас пить наравне с мужчинами.

– Что бы вы посоветовали начинающему виноделу, который хочет добиться успеха и приобретет виноградники?

– Первым делом надо подумать, на какой земле разбиты облюбованные виноградники. Землю создал Бог, и из этой же земли, из глины, был создан человек.

Виноградники Кахетии

Это очень ясная установка: все разновидности животных и растений появляются из земли и в землю возвращаются. А значит, лучшим питанием для лозы будет этот самый перегной, продукты разложения, перевоплощающиеся в живые организмы. Именно перегной – основа качества и «букета» вкуса и послевкусия.

С точки зрения сельскохозяйственной хочу отметить, что Бог создал дождевых червей, обеспечивающих идеально чистые отходы для производства продуктов питания.

Но ничего подобного не может быть на экологически больной земле. Поэтому прежде всего – здоровая почва.

На тех участках, где разбиты наши виноградники, химикаты не использовались – у тамошних жителей с давних пор не было ни желания, ни денег на их приобретение. Поэтому наше вино производится на самой здоровой основе.

– И в заключение расскажите об «Амагдари», любимом детище Вахушти Кизикурашвили.

– НПО «Амагдари» – неправительственная и благотворительная организация.

«Амагдари» объединяет людей всех возрастов и социальных слоев. Среди более чем 1000 членов НПО «Амагдари» есть и старые опытные виноделы, чьи советы бесценны для нас, коллектива винодельческого научного центра.

«Амагдари» – своего рода модель общества в миниатюре. Устраиваем презентации различных изданий, творческие встречи, посещаем концерты, спектакли... Бывает, присылают нам гуманитарную помощь, которую мы распределяем среди членов нашего общества. Но в основном помогаем тем, кто в этом особенно нуждается.

В этом доме №10 на улице Перовской (ныне Ахвlediани) В.Вересаев жил у Р.Коркия

«Я трогаю старые стены...» Тифлис: удивительные встречи

■ Владимир ГОЛОВИН

Открываем старую газету... «Известному русскому писателю и публицисту В.В. Вересаеву на днях исполняется 75 лет. Свыше полвека посвятил маститый беллетрист литературной деятельности. Среди его многочисленных произведений особенной популярностью пользуются: «Без дороги», «Записки врача», «На повороте», «На войне», «К жизни», «В тупике», «Пушкин в жизни». В.В. Вересаев много переводил с греческого. Недавно он закончил первый, намного более приближенный к подлиннику стихотворный перевод «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. Знаменательно, что последние главы этого монументального труда В.В. Вересаев писал уже в дни Отечественной войны...» А вот слова самого писателя: «...Я имел возможность спокойно

продолжать перевод во время войны и уже окончил работу». Такую возможность предоставила ему Грузия, вы читаете отрывки из материала, опубликованного в «Заре Востока» 3 января 1942 года.

Но Викентий Викентьевич не только встретил в военном Тбилиси свой юбилей и завершил перевод античной классики. Здесь он пишет добавление к «Невыдуманным рассказам о прошлом», которые начали печататься еще до войны. И издательство все той же «Зари Востока», все в том же 1942-м, впервые выпускает эту книгу. Читатели и критики признают ее шедевром.

Что же приводит знаменитого писателя в Грузию? Да то же, что и десятки других деятелей русской культуры, в первую очередь, пожилых. Их отправляют в культурные центры

подалеке от Москвы, ставшей прифронтовым городом. Вересаев уезжает в августе 1941-го, сначала в Нальчик а потом – в Тбилиси. Там – культурная столица Закавказья, там, как всегда, принимают гостей с открытой душой, там беженцам и эвакуированным легче переносить свою нелегкую судьбу.

Естественно, Викентий Викентьевич – в окружении грузинских писателей. С ними ему комфортно, его знакомят с культурой древней страны, он покорен ее людьми настолько, что даже начинает изучать грузинский язык. Можно сказать, что он окунается в местную жизнь. А ведь та неразрывно связана с войной – госпитали, воинские части, семьи воюющих, эвакуированные, светомаскировка, продуктовые карточки, очереди за керосином... И писатель живет как все.

Викентий Вересаев в Тбилиси

Вот он получает карточку на сахар. По ней в одном из ресторанов можно взять еще и чашку кофе. А у его друга писателя Родiona Коркия, в доме которого жил Вересаев, тяжело болеет жена, ей необходима глюкоза, на черном рынке сладости стоят бешеных денег. «Вот что делал Вересаев, – вспоминал Коркия. – Ходил пить кофе без сахара, а тот кусочек, свою жизненную порцию, заворачивал в бумагу и приносил моей жене».

Вот он в очередной раз отправляется за керосином и выстраивает длинную очередь, чтобы не беспокоить этим делом свою жену или знакомых. Вот зашедшие к нему гости застанут его то за мытьем посуды, то за чисткой картошки: «Не нравится мне равнодушное отношение некоторых мужчин к домашним мелочам. Придет со службы, сядет на стул, положит ногу на ногу и говорит жене: «Быстро подай на стол!» А та сама только что пришла с работы!»

А военный быт мешает ему, как и тысячам рядовых тбилисцев, вовремя поспеть туда, куда нужно. В Союзе писателей – творческий вечер известного писателя Ивана Новикова,

тоже оказавшегося в эвакуации и тоже специалиста по Пушкину. По затемненному городу с практически не работающим транспортом, целый час безрезультатно прождав трамвай, Вересаев пешком добирается к самому концу вечера своего друга. Еще не отдышавшись, поднимается на трибуну, перед тем, как начать речь, объясняет: «Трудно было идти. Но Иван Алексеевич мой друг, и я не мог не прийти». А ведь для пожилого, известного человека с больными ногами был и другой вариант – попросить машину. Ан нет, он – как все.

Что может эвакуированный писатель с огромным жизненным опытом сделать для окружающих? Конечно же, почаще встречаться с теми, кого опалила война, читать свои рассказы, беседовать о литературе, делиться исследованиями о

Пушкине, вспоминать, как сам участвовал в войнах в начале XX века... То есть, словом подерживать и солдат, и тех, кого в прессе называют «тружениками тыла». Он не только входит в состав бригад, которые Союз писателей Грузии создает для выступления в госпиталях, в военных городках, в высших учебных заведениях. В тбилисских буднях Вересаева много и того, что сегодня охарактеризовали бы как сольные выступления. Давайте заглянем в некоторые залы и аудитории. Там не только выступления, не только сопровождающие их аплодисменты. Мы увидим главное: писателя больше всего поражают люди, перед которыми он выходит на сцену.

Еще один творческий вечер в Союзе писателей, на этот раз – самого Вересаева. Литературный критик Бесо Жгенти

Нахимовское училище в Тбилиси

Бывший Тбилисский окружной Дом офицеров (Дом Красной Армии Закавказья)

рассказывает о его творчестве. Викентий Викентьевич с радостным удивлением узнает, что еще в 1903 году писатель Гуца Наморадзе перевел на грузинский и опубликовал в журнале «Цнобис пурцели» его рассказ «Звезда». Затем много теплых слов звучат в адрес Вересаева, и резюме выступления его самого таково: «С вами я чувствую себя в духовно близкой мне среде...». А вне стен Союза писателей, в совершенно бытовой обстановке, он делает еще одно признание о том, что духовно объединяет с принявшими его людьми: «... Вы, грузины – не рабы денег. Раб денег всегда унижает другого, повелитель – никогда!»

Да, во время всех выступлений главное для него – те, для кого он читает. В одном из госпиталей он обращает внимание на стенгазету, посвященную... ему самому: «Раньше не то, что солдаты, даже офицеры не интересовались литературой. А теперь, видите, даже раненые разговаривают о литературе...» Другой госпиталь – в Нахимовском училище, там, где раньше располагалась 2-я Тифлисская мужская

гимназия, а теперь находится Министерство образования Грузии. Вересаев завершает выступление обращением к «своим коллегам», врачам и медсестрам – особо подчеркивает, какое огромное значение имеет для раненых теплое отношение к ним. После долгих аплодисментов – речи уже за традиционным столом, и Вересаев растроганно говорит: «Я признателен тому народу, который наряду с большой культурой имеет и большое человеческое сердце. Дружбу между народами я практически вижу здесь... Я глубоко благодарен грузинскому народу...» А когда его спрашивают, почему на банкете, где в большинстве были русские, он «особо говорил о грузинах, писатель отвечает: «...Именно большинство должно привыкнуть уважать меньшинство. Здесь дело не в арифметических соотношении-

ях. Дружба народов тоже начинается отсюда, с взаимного уважения».

И вновь госпиталь, на этот раз – офицерский, в Навтлуги. Просторное помещение клуба и широкий коридор перед ним переполнены желающими увидеть и послушать грузинских писателей Шалву Дадиани, Лео Киачели, Сандро Эули, Васо Горгадзе, Симона Цверева, Бесо Жгенти, Роланда Коркия и пришедших с ними русских литераторов Вересаева и Новикова. Читая свои невыдуманные рассказы, Викентий Викентьевич к аплодисментам не прислушивается, а... присматривается. «Раненые без руки аплодировали одной рукой, хлопая ею по колену, те, кто был без ног, аплодировали обеими руками. На это было тяжело смотреть», – вспоминал Коркия. И Вересаев прерывает свое чтение: «Друзья,

не думайте, что я только писатель и эти рассказы могу читать вам спокойно. Я, как и вы, был на фронте, я военный врач, участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах. Я хорошо знаю психологию раненого. Поэтому могу беседовать с вами. Мне особенно дороги ваши аплодисменты, такие вот – одной рукой. Такое мне не приходилось испытывать... Вы – настоящие герои». И вместе с Новиковым и Дадияни он спускается в зал, чтобы обнять тех, кто лежит на носилках: «Какое удивительное творение человек! Рук и ног нет, и все же радуется... Чему? – Жизни...».

В другом госпитале – на Кобской улице Вересаева портреты не только раненые, но и те, кто собрался после его выступления за столом у начальника госпиталя, фронтовика Дмитрия Дзахова. Все они в военной форме, все разных национальностей, все – коренные тбилисцы, хранящие традиции своего города. А главное, все близко знали корифеев русской культуры – Бальмонта или Чехова, Горького или Куррина, Алексея Толстого или Сумбаташвили-Южина... С ними есть, о чем поговорить, обед превращается в настоящую литературную встречу с интереснейшими воспоминаниями, песни и стихи звучат на пяти языках, а сам Вересаев читает... Мережковского. Да, того самого яркого противника советской власти. И это – свидетельство ощущения, что он среди своих. Всех военных, сидящих за столом ждет фронт, а двое отправляются туда уже завтра. Они обнимают старого писателя как отца, и тот благословляет их.

Вообще, к тем, кому предстояло вскоре отправиться на войну, Вересаев относился с особым пиететом, хотел, чтобы в его выступлениях перед ними не было ни сучка, ни задоринки. Правда, и перед любой другой аудиторией он выступал отлично, но солдаты были для него особыми слушателями. Перед литературным вечером в одной из воинских частей приехавшие с Вересаевым писатели слышат, как из отведенной ему комнаты целый час

доносятся странные звуки: «У... у...и...и...о...о...» Удивленным спутникам он объясняет: «Голос надо поставить. Хочу читать чистым голосом. Нельзя допустить небрежность – раз солдаты, это не значит, что писатель имеет право говорить перед ними каким угодно голосом». А к лекциям в Тбилисском университете, куда его пригласил профессор Серги Данелия, он готовится аж несколько дней. И потом так рассказывает о жизни Пушкина, что все в восторге. Особенно – от концовки завершающего выступления: «Когда начнете свою деятельность, вспомните о Пушкине. Он верил в светлое будущее Грузии».

Удается и вечер в Филармонии, где Вересаева попросили прочесть лекцию на тему «Патриотизм А.С. Пушкина». Он подбирает стихи, которые перекликаются с темой Отечественной войны, разбирает стихотворение «Наполеон», противопоставляя нашествие одержимого манией властителя и борьбу народа с захватчиками. А потом еще и артисты Тбилисского русского драматического театра имени Грибоедова играют сцены из пушкинских произведений... Многие из зрительниц, подошедших поблагодарить выступавшего, плачут, говорят, что их сыновья на фронте. Викентий Викентьевич снимает пенсне и тоже вытирает глаза... Домой его провожают эти солдатские матери.

О Пушкине писатель часто рассказывает и со сцены Тбилисского дома офицеров, который тогда назывался Домом Красной Армии Зафронта. И именно там члены семей офицеров устраивают ему встречу. Как всегда – приветствия, цветы, выступления, автору «Невыдуманных рассказов» долго не дают спуститься со сцены, а одна из слушательниц протягивает ему кусок шоколада. «Это мой лучший гонорар», – признается писатель. И тут же читает еще один рассказ – «Букет», о гимназической любви. Та же женщина вытирает слезы: «Что-то похожее было и в моей жизни», а потом достает из сумочки еще один кусок шоколада. Вересаев не хочет

Иван Василенко

брат, но женщина настаивает: «Это для сердца. Я врач». И Викентий Викентьевич берет «гонорар».

И это – не первый трогательный, довольно значительный для голодного военного времени подарок от женщин. Когда в семье Коркия писатель пьет чай без сахара с черным хлебом, к нему приходят мать с дочерью. Младшая, студентка, протягивает Вересаеву цветы, соглашается, вполне понятно. А ее мать дает апельсины и мандарины: «Не думайте, что куплено. У нас в районе это во дворе растет». Вересаев растерян, благодарит: «Зачем беспокоились? Чем я это заслужил?» «Какое же это беспокойство, – отвечает женщина. Я ваша читательница, помню ваши «Записки врача». Викентий Викентьевич, надо сказать, всегда утверждал, что ему самому не нравится эта книга, принесшая, между прочим, европейскую известность. Он называл ее «упражнением сырым пером». И когда посетительницы уходят, Коркия не без ехидства спрашивает: «И теперь вам не нравятся ваши «Записки врача?» В ответ звучит: «И теперь – тоже! Но эта страна и этот народ нравятся...»

А другие посетительницы зовут Вересаева на ужин. Они – дочери его московского знакомого, слышали от него до-

Яков Николадзе

брые воспоминания о писателе и теперь считают своим долгом пригласить Викентия Викентьевича в дом своего скончавшегося отца. И Вересаев идет туда с женой, несмотря на неблизкое расстояние и затемненные светомаскировкой улицы. Возвращается поздно, в руках – гостинцы, чурчелы, на устах – восторженный рассказ об армянской семье, в которой он побывал: «Вот в каких условиях, в семьях человек может лучше познакомиться с характером народа, чем в официальной обстановке, в аудитории. В официальной обстановке больше показного, меньше непосредственности... А чурчелы, оказывается, делают и армяне, и грузины...» Гостинцы эти он хранил очень долго.

Приходят к нему и за советом. Худой, болезненный, уже немолодой человек приносит небольшую книжку «Волшебная шкатулка», выпущенную издательством «Детгиз». Он представляется писателем Иваном Василенко и спрашивает, стоит ли ему продолжать писать. Таких вопросов мэтр слышал немало и всегда давал на них один и тот же ответ: «Если сможете не писать, не пишите». Так происходит и на этот раз, правда, с предложением прийти за ответом недели через две. Смущенный визитер уходит, решив за ответом не возвращаться. А Вересаев открывает книжку, читает одну повесть, вторую, третью и в восторге делится с окружающими: «Знаете, как превосходно пишет этот Василенко? Читаю, читаю и не могу оторваться. Давно не испытывал такого удовольствия от книги». Спустя годы он вспоминал: «Передо мной был талантливый, совершенно сложившийся писатель, со своим языком, с великолепной выдумкой, с живыми образами».

Викентий Викентьевич с нетерпением ждет столь понравившегося ему автора, а, не дождавшись, ищет его по всему городу. Встречаются они случайно, в редакции «Зари Востока», и Ве-

ресаев тут же приглашает его к себе. За чаем выясняется, что Василенко стал писателем в 39 лет, когда обострившийся туберкулез приковал его на три года к постели. Из родного Таганрога он успел уехать в Тбилиси перед самым приходом немцев, жил впроголодь и зимой пришел к Вересаеву в одолженном летнем пальто. Они стали часто встречаться, подолгу беседовать, Вересаев, первым делом, покупает этому тихому, скромному человеку пальто. А потом протезирует его. Так в Тбилиси он открывает для русской литературы хорошего писателя, с которым дружит до своих последних дней.

Еще одно знакомство – с тбилисцем Львом Бежановым – очень облегчает вересаевский быт. Этот юрист плановой комиссии учился в МГУ и помнит писателя еще по Москве. Он становится настоящим опекуном Викентия Викентьевича и его жены Марии Гермогеновны. Помогает доставать хлеб и картошку, керосин и мыло, подменяет в очередях. А еще, что не менее ценно, «поставляет информацию», так как хорошо знает все городские новости. И часто можно увидеть, как под бежановские рассказы Вересаев чистит картошку, а его жена занимается хозяйством. А потом, вместе с хозяевами квартиры, слушают уже Вересаева – он читает очередную переведенную часть «Илиады».

А вот еще один посетитель – художник Александр Гвелесиани. Приходит он часто, так как решил написать портрет писателя. Во время сеансов рисует карандашом, но завершить работу в красках почему-то так и не удаётся. Тем не менее Викентию Викентьевичу портрет нравится. Как, впрочем, и всем, кто видел его потом в знаменитом художественном салоне на проспекте Руставели. Но Вересаев не был бы Вересаевым, если бы вид работающего художника не натолкнул его на размышления: «В какое время мы живем! Тут художник пытается кончиком карандаша выразить мысль и чувство, а там, в небе, летает человек, который хочет уничтожить жизнь на земле». Во время другого сеанса можно услышать, как эта мысль развивается: «Человек изобрел карандаш и бомбу. То, что делает карандаш, эта бомба уничтожает... Дialeктика превратности... дialeктика смерти и жизни...»

Другой художник, пришедший к Вересаеву, приглашает его в свою мастерскую. Писателю там нравится, и хозяин – знаменитый скульптор Яков Николадзе предлагает создать его бюст. Согласие тут же получено, и пока Николадзе работает, они говорят о многом. Писатель узнает, что его рассказ «Без дороги» в 1902 году перевели на грузинский язык и опубликовали в журнале «Квали». «Получается, что вы уже второй раз в Грузии. Первый раз были в 1902-м», – шутит скульптор. Так, за разговорами, рождается бюст, который тоже выставляется в художественном салоне на главной улице Тбилиси, а затем перебирается в Москву, в Третьяковскую галерею. Вересаеву так нравятся работы Николадзе, что он предлагает ему изваять лицо дочери писателя Коркия: «У нее на редкость одухотворенное лицо, получится хорошая скульптура». Увы, из этой затеи ничего не выходит – у девочки

занятия в школе, и она не может приходиться в мастерскую в назначенные часы. «Какое хорошее дело прервалось! Такое впечатление, что потеряно художественное произведение», – сокрушается Вересаев.

Но если после всего этого у вас сложится впечатление, что в тбилисской эвакуации жил этакий добренький, для всех хороший старичок, то вы будете неправы. Ведь за бескомпромиссность и принципиальность Вересаева прозвали «каменным мостом». Что он доказывает и в столице Грузии. В редакции «Зари Востока» работает его друг Михаил Агаджанов, по словам писателя, «культурный и весьма образованный журналист». И вот однажды Агаджанов приходит с просьбой редакции: откликнуться на положение на фронтах. Просьба выполнена – на свет появляется пространная статья «Историческое сведение». Но редакции она не нравится – уж очень жестко автор высказался о союзных СССР державах, надо бы смягчить. «Не поправлю, – с железными нотками в голосе заявляет Вересаев. – Всегда говорю то, что думаю. Если нравится – печатайте, если нет – не надо!» Никакие уговоры не помогают, ответ однозначен: «Лицемерить не буду. Верю, что мы и союзники победим фашистскую Германию. Но в этой войне наибольшие жертвы понесем мы, а не они. Сейчас союзники откладывают открытие второго фронта... Об этом должен сказать я. Я – Вересаев!». Через несколько дней Агаджанов появляется явно повеселевший: «Академик Тарле высказался так же, как и вы! Дайте статью!». Вересаев отказывает и на этот раз...

Несмотря на большие ноги, он часто ходит по городу, его интересуют детали быта. Замечает многое, делится в кругу близких, но на бумаге, в «Невыдуманных рассказах», остается лишь одна история. Она о... собаке. Писатель рассказывал друзьям: «На улице Кирова у входа в хлебный магазин всегда лежит собака. Видно, она старая, еле передвигается. Кроме того, ослабла от голода. Представьте, хлеб выдают по карточкам, кто же собаке даст? И эта бедная собака выходит на тротуар, садится и смотрит, как выгружают хлеб. Кругом стоит одуряющий запах свежесвежевыпеченного хлеба. Не то, что собаку, даже меня пробирал этот запах. Хлеба несут два человека. Когда они входят в магазин, машина остается без присмотра. Собака может украсть одну буханку, но она не делает этого: у нее выработана внушенная человеком мысль о том, что воровать нельзя...». Эту сцену Вересаев увидел у магазина, который коренные тбилисцы десятилетиями называли «Резинтрест». И знаете что? В небольшом, всего в пару абзацев, фрагменте, вошедшем в книгу «Невыдуманные рассказы о прошлом» под названием «В Тбилиси, зиму 1943 года», она выглядит короче. Без некоторых деталей, которые мы услышали от писателя под свежим впечатлением.

Первые впечатления помогают ему рисовать четкие картины, когда он ненадолго уезжает с женой из Тбилиси – в жару грузинские друзья помогают им отдохнуть на двух курортах. Из Цхалтубо он пишет Роланду Коркия: «...Мы устроились

с помещением и питанием. Отдыхаем после путешествия, берем ванны, наслаждаемся теплым воздухом, вечно ясным небом и широким горизонтом с горами в большом отдалении. Занимаем мы номер в так называемом «генеральском» госпитале, хотя ни одного генерала тут не видели. Питание очень хорошее...». А это – о Боржоми. Из «Невыдуманных рассказов о прошлом»: «На окраине Боржома по откосу горы густо лепятся дома грузинского типа, с крытой галереей вдоль фасада, на которую выходят двери каждой из комнат...» Из письма Коркия: «Хозяйка очень милая и заботится о нас, как о родных. Мы взяли комнату в этом же доме, на втором этаже, сухую. Хозяйка ходит для нас на рынок и готовит еду... Здесь жарко бывает только с 12 ч. дня до захода солнца, а остальное время – приятная прохлада. Перед самым окном моей комнаты – две акации, через кои солнце заполняет комнату зеленоватым светом. Пишется мне опять очень хорошо, написал уже десять «невыдуманных рассказов» и в голове зарождаются все новые».

Несмотря на требующее напряжения «зарождение» новых рассказов, в Тбилиси у него вырабатывается привычка засыпать поздно – лишь после того, как прослушает по радио все последние известия. В час ночи заканчиваются военные сводки и начинаются новости. Начинаются они с постановления Совета Народных Комиссаров СССР о присуждении Сталинских премий за 1942 год. «За многолетние выдающиеся достижения в области искусства и литературы, – торжественно провозглашает диктор, – присудить премию первой степени в размере ста тысяч рублей писателю Вересаеву (Смидовичу) Викентию Викентьевичу». Жена, супруги Коркия бросаются

Знак Сталинской премии I степени

поздравлять свежеспеченного лауреата, а тот, растерянно вертя в руке очки, спрашивает: «Это меня наградили?». И после радостных криков: «Кого же, если не вас!» признается: «Не ожидал... Не ожидал».

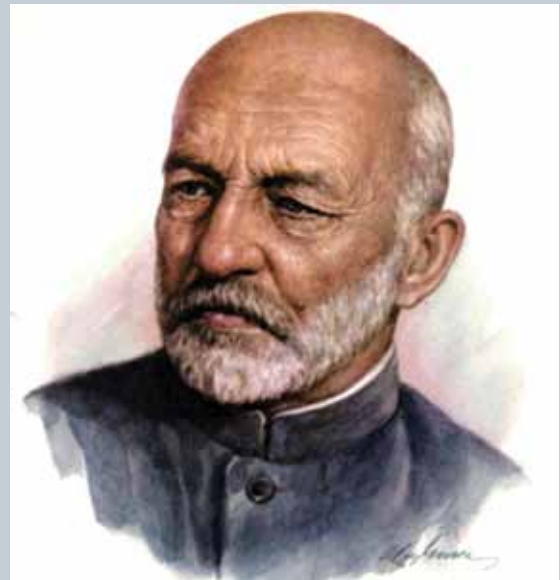
Первое применение свалившимся как снег на голову тысячам рублей Вересаев находит уже на второй день, заявив жене Коркия: «Теперь я человек с деньгами. Могу заплатить за квартиру. Шесть месяцев, как живу у вас. В месяц – пятьсот рублей». Пока Коркия громогласно ужасается, как другу такое могло прийти в голову, в разговор вступает его супруга: «Помните, когда я болела, вы приносили сахар? Ту порцию, что отнимали у себя». – «Ну и что?» – «Давайте, посчитаем, сколько было того сахара. Подсчитаем и заплатим вам». – «Боже мой, что вы говорите?! Я приносил как отец дочери!» – «Вот и я говорю как дочь отцу: ваш сахар был не только сахар! Это было ваше сердце!». После этого – общие слезы и примирение.

Да, неожиданную награду Вересаев рацинивает, в первую очередь, как материальную помощь. Это видно из его писем М.Новицкой: «Всякое было, – жили зиму в нетопленной комнате, сильно убавился в весе, но в марте этого года я получил Сталинскую премию, и это лауреатство сразу улучшило и материальное мое положение... Лауреатство оказалось всего удобнее не только полученными деньгами, а вообще большими привилегиями». А вот с моральной стороны... Родственникам он рассказывал, что, узнав о премии, не спал всю ночь, мучительно спрашивая себя: «За что? Какую на старости лет я мог совершить подлость, за которую меня награждает Сталин?»

Потом в газетах «Правда» и «Известия» появляется отзыв на присуждение премии, написанный писателем Александром Серафимовичем, любимцем «отца народов». В нем говорится о жестоких временах, пережитых вместе с Вересаевым, когда их «топтали, наступали сапогами на горло, душили самые чистые и молодые порывы...». И о том, что в советское время книги Вересаева являются общенародным достоянием. Прочитав это, Викентий Викентьевич пишет в своем дневнике: «Удивительно... Когда это нас «топтали, наступали сапогами на горло», как могли душили «самые лучшие, самые чистые и молодые порывы»? При всех цензурных рогатках можно было достаточно и проявлять себя, – не то, что позже, где выход был только один – честно молчать...» И еще – о том, что он стал народным достоянием: «Горько читать Труда невыразимого стоило протащить каждую

мою книгу даже в самом ничтожном тираже, и я прочную стеною был отгорожен от читателя».

Все это – абсолютно искренне, хотя такое «тянет на срок» за антисоветчину. А ведь Вересаев не был ни антисоветчиком, ни даже «попутчиком». Как писатель классической русской школы, как высокообразованный интеллигент, он не мог не понимать, что творится в СССР. Но «выход был только один – честно молчать». Хотя и от этого принципа он отходил – когда был уже не в силах скрывать накопившееся в душе. Вспомним, как он, явно рискуя, читал офицерам стихи ярого врага советской власти Мережковского, потому что тот был для него, в первую очередь, поэтом? А намного раньше именно идеологические разногласия развели его с близким другом Максимом Горьким: «Он стал полнейшим диктатором всей русской литературы. Цензура вычеркивала всякие сколько-нибудь отрицательные отзывы о его произведе-

Викентий Вересаев

ниях, даже таких плохих, как «Клим Самгин». И после того, как Горький окончательно вернулся в СССР, Вересаев ни разу не встретился с ним. Более того, однажды сказал, что при встрече не подал бы ему руки... Воистину, «лицемерить не буду».

Вот такая история с наградой, «нашедшей героя» в Тбилиси. А ведь была и еще одна – уже непосредственно связанная с Грузией. За месяц до смерти Вересаев получает медаль «За оборону Кавказа» и удостоверение к ней, подписанное руководителями президиума Верховного Совета Грузинской ССР Георгием Стуруа и Василием Эгнаташвили. Для писателя, заявившего: «Я бывал во многих странах, знал многие народы, но грузины совсем другие», это было последнее напоминание о Тбилиси. О городе, в котором он говорил принимавшим его людям: «...Ваше внимание и сердечное тепло – большая радость для меня... Здесь светит не только электрическая лампа, но и свет доброго сердца вашего народа...»

К.Зданевич. Ню. 1910-е гг.

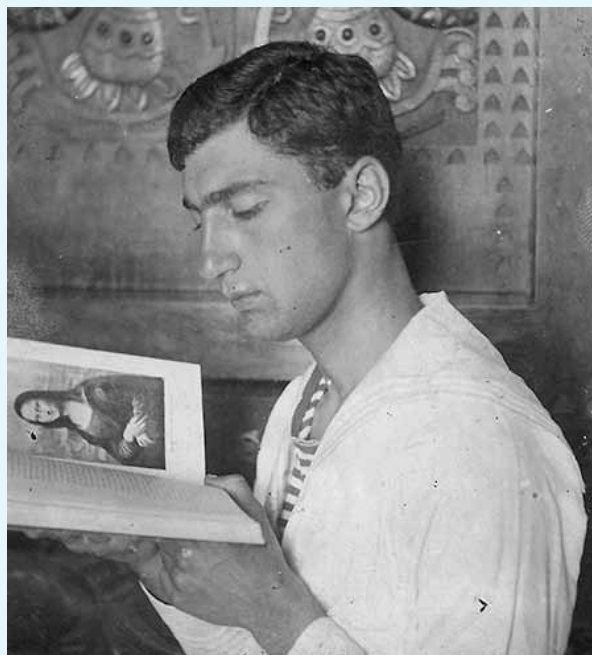
■ Инна БЕЗИРГАНОВА

К Международному дню музеев, который уже полвека (с 1977 года) отмечается во всем мире 18 мая, – прославленный Государственный музей изобразительных искусств имени Шалвы Амиранашвили подготовил сюрприз: выставку авангардистов, посвященную поэту, писателю, художнику, издателю, одному из лидеров русского футуризма, теоретику авангардизма и дадаизма Илье Михайловичу Зданевичу.

У посетителей выставки буквально глаза разбегались – столько интересного, уже знакомого знатокам изобразительного искусства и литературы, а также нового, впервые представленного на суд публики, было собрано в этой экспозиции. Огромный культурный пласт, неповторимая, дерзкая эпоха, разрушающая художественные стереотипы и каноны, прокладывающая тропы в новое, неизведанное. В этой дерзости и эпатажности, в удачных и менее удачных экспериментах, бесконечно возникающих и распадающихся творческих объединениях, в смелых декларациях был залог революционного и эволюционного развития искусства – и не только искусства...

В музее изобразительных искусств (в струк-

Илья Зданевич КАК НОСИТЕЛЬ ИДЕИ АВАНГАРДА

Илья Зданевич

туре Национального музея Грузии), которым в течение 30 лет руководил выдающийся грузинский ученый-искусствовед Шалва Амиранашвили, собрана поистине уникальная коллекция русского авангарда, в том числе – тифлисского. Ее истоки – в 1918-20-х годах, когда Тифлис стал убежищем, «Ноевым ковчегом», «ладьей аргонатов» для самых талантливых и свободных духом. Как пишет Т.Никольская, «за годы революции и Гражданской войны в гостеприимную Грузию съехалось множество поэтов, художников, актеров из российских городов – в том числе немало и знаменитостей из столиц. На короткое время Тифлис превратился в европейский культурный центр, очаг русской культуры за пределами России».

Выдающуюся роль в культурной жизни этого периода сыграл тифлисец Илья Зданевич (по-футуристски – Ильязд), вместе со старшим братом, художником Кириллом Зданевичем возглавивший после революции тифлисский авангард и организовавший группу футуристов

К.Зданевич. Натюрморт. 1920-е гг.

«41°», в которую входили также поэт Алексей Крученых и поэт, художник, театральный режиссер Игорь Терентьев. К ним примыкали поэт Колау (Николай) Чернявский, армянский поэт, называвший себя восточным футуристом, Кара-Дарвиш (Акоп Генджян) и молодые тифлиские художники.

Так что определенная часть экспозиции отражала, естественно, деятельность самого Ильи Зданевича и его товарищей-футуристов. Уникальные дневниковые записи Ильязда, посвященные Нико Пиросмани и содержащие длинный список вопросов легендарному художнику-примитивисту – увы, так и не заданные ему, а также различные издания, афиши... Одна из них, датированная 20 января 1918 года, от имени творческого объединения «Синдикат футуристов» оповещает о вечере заумной поэзии, на котором Илья Зданевич должен был прочитать доклад на тему «Заумная поэзия и поэзия вообще», а Софья Мельникова – выступить с чтением стихов поэтов-футуристов Давида Бурлюка, Елены Гуро, Василиска Гнедова, Ильи Зданевича, Алексея Крученых, Велимира Хлебникова. После доклада о заумной поэзии пред-

полагался диспут под председательством грузинского поэта Сандро Канчели. В диспуте принимали участие художник Зигмунд Валишевский, поэт Сергей Городецкий, организовавший в Тифлисе в 1918 году «Цех поэтов», «голубороговцы» Григол Робакидзе, Тициан Табидзе, Паоло Иашвили и другие. Другая афиша объявляет о четырех лекциях «футурвсечубища», которые проводились в аудитории «Фантастического кабачка» по понедельникам в феврале и марте 1918 года. Лекции об итальянском футуризме читал все тот же Ильязд.

Среди экспонатов – объявление об открытии подписки на ежемесячный журнал искусства и литературы «Ars» (1918-1919 гг.). Он объединял на своих страницах литераторов России, Грузии и Армении, относившихся к различным направлениям – символизм, акмеизм, футуризм. Среди авторов этого издания – один из его редакторов Сергей Городецкий, Нико Бараташвили, «голубороговцы» Валериан Гаприндашвили, Григол Робакидзе, символист Андрей Белый.

Украшение музейной экспозиции – знакомые, любимые всеми работы Пиросмани, которого авангардисты называли «совер-

шенным французом» и сравнивали с французским художником-примитивистом Анри Руссо.

Обратили на себя внимание посетители портреты поэта-символиста Константина Бальмонта работы Льва Бруни и футуриста Колау Чернявского кисти Кирилла Зданевича. Обе работы довольно известны в художественной среде.

Удивительно, что, используя только голубой цвет, Лев Бруни создал точный психологический портрет Бальмонта – выразил его чуткость, нервность, высокомерие и некоторую отчужденность. Глаза-щелочки, как бы отталкивающие и не впускающие в душу, заставляют вспомнить его стихотворение, в котором есть такие строки: «Можно жить с закрытыми глазами, Не желая в мире ничего, И навек проститься с небесами, И понять, что все кругом мертво...»

Любопытная информация: именно под влиянием Константина Бальмонта художник-авангардист Лев Бруни создал иллюстрации к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Две акварели, «Плач Таризела» и «Бой Автандила», экспонировавшиеся на выставке объеди-

Д.Какабадзе. Композиция. 1926

В.Кандинский. Черный штрих. 1920

нения «Мир искусства» в 1915 году и принесшие автору первую известность и первый коммерческий успех, приобрел некий грузинский князь. Там же выставлялся и «голубой портрет» К.Бальмонта. Лето 1915 года Лев Бруни провел в горах Хевсурети, где создал серию рисунков «Воспоминания о Хевсурети» и посвятил ее своему другу поэту Михаилу Зенкевичу.

Несколько первоклассных работ Кирилла Зданевича – создателя «оркестровой живописи» – позволяют оценить масштаб дарования художника, полифонию «звучания» его красок. Особенно впечатлили два его натюрморта, совершенно разные по настроению и манере письма.

Первый, датированный 1919 годом, – это невероятная радость бытия, чувственность, опьянение жизнью, ее запахами, цветовой палитрой. Яркие цветы, свежие фрукты – нам кажется, что мы ощущаем их дурманящие летние ароматы – и бутылка вина. Это ли не мечта эпикурейца?

А вот другой натюрморт, написанный в нежных тонах (20-е годы прошлого столетия). Легкий, воздушный, рождающей ощущение акварельности. Здесь не брызжащая через край радость жизни, а скорее – созерцательность и умиротворенность. Чайный прибор и стопка книг – тут читается скорее «интеллектуальный» контекст.

Десятыми годами XX столетия датируется эффектное кубистическое «Ню» Кирилла Здане-

вича, испытавшего, как и многие его собратья-художники, влияние кубофутуризма.

На выставке были экспонированы работы участников художественного объединения «Метод» – последователей проекционизма (направление в российском изобразительном искусстве 1920-х гг.) Климента Редько и Александра Тышлера, а также таких известных художников, как Василий Кандинский, Наталья Гончарова, Михаил Ларионов, Казимир Малевич, Адольф Мильман, Ольга Розанова, Роберт Фальк.

Картина Роберта Фалька под названием «Бумажные цветы» (1918), в которой синтезированы традиции Поля Сезанна, элементы кубизма и стиль русского примитива, и постимпрессионистический «Пейзаж» (1910-е годы) мгновенно притягивают взоры посетителей выставки насыщенной колористикой, контрастностью красок, эмоциональностью и ощущением неуловимой грусти. Можно было сравнить эти работы и более поздний «Пейзаж с кораблем» (1929), выполненный художником в приглушенной, темной цветовой гамме.

Гордость музея – работы одного из основателей абстракционизма Василия Кандинского: «Картина с кругом. Первая беспредметная» – из первых абстрактных работ художника, созданная в 1911 году, – и «Черный штрих» 1920 г. «Лучшие произведения Кандинского – это поистине картины сотворения миров, где краски звучат могучим оркестром, образуя в то же время стремительно летящие, вращающиеся, вибрирующие формы. Все вместе это – сама Жизнь», – пишет автор научного исследования «Метафизика цвета» Л.Миронова. Эти слова имеют самое непосредственное отношение к картинам В.Кандинского из тбилисской коллекции.

– Такая многообразная выставка коллекции авангардного искусства проводится у нас в первый раз, – рассказывает автор проекта и куратор выставки искусствовед Нана Шервашид-

зе. – Раньше были отдельные выставки грузинских художников Ладо Гудиашвили, Шалвы Кикодзе, Давида Какабадзе – тогда выставлялись их авангардные работы. В 1989 и в 2009 годах были организованы выставки Ильи и Кирилла Зданевичей. Но вся коллекция, в полном объеме, представлена действительно в первый раз. Причем многие из этих работ никогда еще не выставлялись. К приме-

Л.Гудиашвили. Автопортрет. 1919

ру, литографии Михаила Ларионова, Натальи Гончаровой, Казимира Малевича к футуристическим книгам Алексея Крученых и Велимира Хлебникова «Игра в аду», «Мирсконца», «Пустынник и пустынноца».

Мы знаем, что авангардное искусство – это всегда что-то новое, интересное, вызывающее эпатаж. Но для меня было особенно важно представить на выставке грузинских художников того периода (общеизвестно, что после 1932 года эпоха авангардистов завершилась) в контексте западного авангардного искусства. Как они смотрятся, насколько интересны их искания? В области абстракционизма я не знаю фигуры выше Василия Кан-

В.Шухаев. Дымовая труба и солонка. 1921

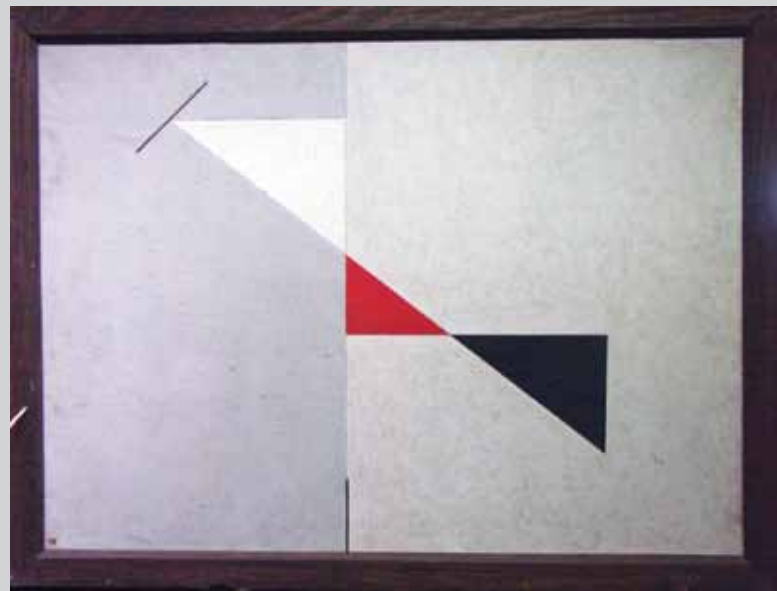
динского – в нашей экспозиции две изумительные картины этого мастера и рядом – работы грузинских художников Ладос Гудиашвили, Давида Какабадзе, Шалвы Кикодзе, которые смотрятся на уровне, не хуже, а может быть, в чем-то и лучше, чем Кандинский. Что показывает: потенциал нового искусства у грузинских художников был огромным. Увы, в этом направлении данная культура не могла развиваться – она была обречена. Давид Какабадзе больше практически не делал живописных работ, переключившись на декорационное искусство и графику. Правда, в 1949 году он создал потрясающую картину «Элеватор в Поти», но это уже нечто совершенно другое – портрет эпохи тоталитаризма. Образ злого гения, который подавляет окружающий мир, закрывает, затеняет собой море, небо, землю – все вокруг. Это способ выразить на языке соцреализма идею того, что ты не приемлешь.

Конечно, авангардисты сопротивлялись изысканному художественному языку «Мира искусства», импрессионизма, но создавали при этом искусство интеллектуальное. На поверхности иногда не видно, что хочет выразить художник. Кто-то может заявить самонадеянно: «А что тут такого? Я тоже так могу!» Но за этими экспериментами – глубокая философия мира, отношение к новому порядку жизни. Эти люди мыслили свободно, что было совершенно не нужно диктаторскому режиму в Советском Союзе, Германии, Испании. Поэтому естественно, что потом они тоже оказались жертвами тоталитаризма. Как нынешняя молодежь может увидеть это, уловить нюансы? Но они видят! Если вы, к примеру, не можете поймать суть того, что хотел выразить Василий Кандинский, создавший в своем творчестве образ нового мирового порядка, то... любуйтесь цветом. Кто-то говорит: «Красиво,

как радуга!» Ну, не хочешь понимать иначе, понимай хотя бы так – это красиво! Да, красивость – плохое слово. Хотя, к примеру, тот же «Расстрел повстанцев» Франциско Гойи – ужасно, но красиво! Ужас тоже должен быть красиво передан, не так ли? Знаменитые голландские натюрморты с растерзанными тушками кроликов – это тоже красиво, и должно быть таковым. Но если ты постарайся и захочешь вникнуть в подтекст и если у тебя есть какое-то образование, то в самой простой картине – к примеру, яблоко лежит на столе – откроются какие-то глубинные смыслы, суть вещей.

– **В вашей экспозиции были представлены графические работы неизвестного автора 10-х годов прошлого века. Вы можете сделать какое-то предположение, кто он?**

– Два года назад мы проводили инвентаризацию в отделе русского искусства и неожиданно обнаружили рулон с этими графическими листами, выполненными в технике акварели и коллажа в 1910-е годы. Я думаю, эта находка как-то связана с историком искусства и археологом Дмитрием Гордеевым, который некогда возглавлял отдел русско-

О.Личини. Редкая птица. Абстракция. 1932

го искусства. В 1910-е годы он был очень близок к футуристам-заумникам, был редактором «Арса». В 1918 году в здании редакции этого журнала было выставлено 145 работ художников-авангардистов. Я думаю, эти листы неизвестного художника – из архива Гордеева, он их тщательно спрятал за стеллажами. Если бы мы не разобрали этот стеллаж, то ничего бы не нашли.

– **Экспозиция, которую вы посвятили Илье Зданевичу, выходит за рамки периода авангарда...**

– Да, это так. К примеру, «Бубновый валет» многие не считают авангардом, а как бы подготовительным периодом. У нас не такая уж большая коллекция авангардистов, поэтому мы решили представить не только их, но и предшественни-

ков этого направления и более поздние работы, в которых еще проявляются элементы авангардизма. К примеру, произведения Александра Тышлера, Александра Лабаса и Климента Редько – это поздний авангард, период группы «Метод». В нее входили С.Лучишкин, С.Никритин, М.Плаксин, К.Редько, Н.Тряскин, А.Тышлер и др. Они стремились передать живописными средствами сложные физические явления, ставшие достоянием цивилизации в результате научно-технического прогресса.

В нашей экспозиции есть одна работа Василия Шухаева – натюрморт. Он был основоположником неоклассицизма, но авангардизм был таким заманчивым, ему так хотелось выйти за рамки классицизма и почувствовать себя свободным! Так что даже Василий Шухаев не устоял. Почему-то эта работа очень редко выставляется, как нехарактерная для художника. Хотя, как мне кажется, именно нехарактерное наиболее интересно.

– В экспозиции представлены очень интересные работы Кирилла Зданевича.

– С него собственно и начинается грузинский авангард. В 1917 году у Кирилла Зданевича прошла первая выставка, где он представил свою оркестровую живопись. Кирилл – очень интересный художник, он в постоянном поиске, для него характерно стилевое разнообразие. И все-таки никого нельзя поставить рядом с Ильей Зданевичем. Он главная персона авангардного мышления, носитель идеи авангарда. В 60-е годы в искусствоведческий обиход вошел термин «авангардисты». А они в свое время называли себя футуристами. Что такое авангардная культура? Это мироощущение. Это намного глубже, чем просто сделать рисунок, – это новый подход к реальности. И его нес в себе именно Илья Зданевич. От Ильи, Алексея Крученых и Велимира Хлебникова берет начало и искусство Кирилла Зданевича, и будетляне, и заумь. В авангарде Илья Зданевич – одна из значи-

тельнейших фигур. Но для него было характерно переплетение авангарда и архаики. Это проявляется и в его литературных произведениях, и в его суждениях. Не может существовать авангард без осмысления прошлого. Это же была игра! Но начиная игру во что-то новое, ты должен от чего-то отпалкиваться. Ты стоишь на этих традициях, что замечательно проявляется у Ильи.

У нас хранятся очень интересные материалы, связанные с Ильей Зданевичем. Большое спасибо искусствоведу Ирине Дзуцевой и супруге Ильи Зданевича Елене Дуар-Мере, которая передала в дар нашему музею очень ценные документы, дневники Зданевича, материалы парижского и тифлисского периодов. Могу утверждать, что Илья Зданевич дает вдохновение. Когда соприкасаешься с ним, у тебя начинают рождаться новые идеи и проекты, появляются силы, энергия. Для меня Илья Зданевич – словно муза, крупнейший, многогранный человек. Он еще и создатель новой авторской книги – книги художника. Мы стараемся идти по его следам. И возникает ощущение, что ты соприкасаешься с эпохой. Несмотря на отсутствие яркой красоты, Илья влюблялся в первых красавиц Москвы, Парижа, Тифлиса, и они тоже любили его. А какие письма он пишет Софье Мельниковой! Такой авангардист и такие романтические письма! Мы хотим это тоже издать и тоже необычным образом, в стиле Ильязда.

– «Абстракция» итальянца Освальдо Личини – это единственная работа в вашей коллекции, принадлежащая художнику-авангардисту, работавшему на Западе. Расскажите о нем, пожалуйста.

– Я видела его работы в Римском музее современного искусства. У Личини очень мало абстрактных работ, и наша оказалась одной из лучших. Личини работал в абстрактном стиле небольшой промежуток времени, а позже увлекся сюрреализмом.

У нас очень богатая коллекция именно русских авангардистов.

М.Ларионов. Персонаж спектакля «Траурный марш». 1916

И когда в Москве шла работа над трехтомной энциклопедией русского авангарда, я послала наши файлы. Автор этого уникального издания Андрей Сарабьянов отметил богатство нашей коллекции, и наш музей вошел в энциклопедию в качестве хранителя русского авангарда. Трехтомник «Русский авангард» – действительно изумительное издание, в нем содержится не только огромная информация о русском авангарде, но и о том, что соприкасалось с ним: художники французские, грузинские и т.д., разные течения и т.п.

Выставкой не ограничивается авторский проект Наны Шервашидзе – в июне состоится научная конференция «Идеи авангарда в литературе и изобразительном искусстве». Проект спонсирует Министерство культуры и охраны памятников Грузии.

Картины, репродукции которых использованы в материале, хранятся в коллекции Национального музея Грузии.

На открытии Вторых Всемирных игр юных соотечественников

О СПОРТ, ТЫ МИР!

■ Алена ДЕНЯГА

С 23 по 29 апреля этого года при поддержке Правительства Российской Федерации в Сочи во второй раз прошли Всемирные игры юных соотечественников, участниками которых стали дети, проживающие за рубежом. В этом году в соревнованиях приняли участие команды из 46 стран мира (в 2015 году было 32 страны-участницы).

По линии программы Россотрудничества «Новое поколение» в работе Всемирных игр в этом году приняли участие и журналисты из 16 стран ближнего и дальнего зарубежья. Им выпала честь войти в жюри конкурсной программы «Визитная карточка» и конкурса эссе юнкоров, а также дать мастер-классы тем мальчикам и девочкам, которые в будущем видят себя в журналистике.

Ирина Роднина, Депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ, Президент Всероссийской Федерации школьного спорта, трехкратная олимпийская чемпионка, десятикратная чемпионка мира, главная судья Игр:

– Эти игры – хороший повод напомнить о наших традициях и нашей богатой истории. Все мы – одна большая семья с общей культурой и историей. Надо помнить об этом, где бы мы ни жили. Что бы ни происходило в мире, дети должны дружить и общаться. Тогда и мир будет лучше.

Одним из важных мероприя-

тий проекта стало прикосновение к общему прошлому, к общей истории. В преддверии праздника 9 мая участники Игр возложили венки к памятнику воинам-адлерцам, павшим в боях в годы Великой Отечественной Войны.

Почтив память героев, делегации участников направились на горнолыжный курорт Роза Хутор. Здесь на площади перед ратушей состоялась торжественная церемония открытия Вторых Всемирных игр юных соотечественников.

Руководителем грузинской команды выступил Константин Родин, председатель Международного русскоязычного союза «Лидер». Спортсмены из Грузии были представлены в четырех видах спорта – баскетбол (3х3), настольный теннис, плавание и шахматы.

И хотя призовых мест ребята не завоевали, причин расстраиваться не было. Ведь участие в столь престижном мероприятии – это неоценимый опыт и отличный стимул для дальнейшего совершенствования спортивных навыков. Было отрадно видеть, как радуются ребята успехам своих сверстников.

Кроме спортивной и экскурсионной программы организаторами были продуманы «Диалоги на русском языке», а также интеллектуальные игры на знание традиций и культуры России.

Волонтеры Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина – «Послы русского

языка в мире» вовлекали ребят в интересные викторины и конкурсы.

Очень большую роль сыграла атмосфера доброжелательности и дружелюбия, в которую дети из разных стран, в том числе и из конфликтных регионов, были погружены на протяжении всех дней.

Три вечера подряд мальчики и девочки демонстрировали «Визитную карточку» страны, которую они представляли. Команда из Грузии подготовила один из самых запоминающихся по зрелищности танцевальный номер. Маленькие грузинские танцовщицы и юноша в национальном костюме своим артистизмом произвели яркое впечатление на публику.

В день закрытия Игр прошел фестиваль народных забав. Юным спортсменам особенно запомнились перетягивание каната и бег в «гигантских ботинках». Сколько радости было на лицах ребят, когда им была предоставлена возможность пообщаться с выдающимися спортсменами и олимпийскими чемпионами – Ириной Родниной, Светланой Журовой, Светланой Хоркиной, Николаем Валуевым, Александром Карелиным и Дмитрием Пирогом. А еще – фотографии на память и автографы. Ведь кумиров на расстоянии вытянутой руки встретишь не каждый день!

Ирина Роднина:

– У меня спрашивали, что главное – победа или участие? Мы говорим вам огромное спасибо за ваше участие, благодаря которому мы победили все вместе. С победой!

Каждому участнику поездка в Сочи запомнится по-своему. Кто увез призы и дипломы победителей, кто – море впечатлений и множество фотографий на память, и, конечно же, завязавшиеся на долгие годы дружеские знакомства. Воспоминания об экскурсиях в такие сказочные места как Роза Хутор и Красная Поляна, в местечко Медвежий уголок с минеральным источником Чвижепсе и, наконец, рассветы и закаты на Черном море навсегда остались в детских сердцах.

На поэтическом фестивале «Эмигрантская лира»

«СЛОВНО СЕРДЦЕМ УКОЛОТЬСЯ...»

■ **Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ**

Даниил Чкония – поэт, прозаик, переводчик, литературный критик. Родился 19 февраля 1946 г. в Порт-Артуре. Учился на филфаке Тбилисского университета. В 1973 г. окончил Литературный институт им. Горького. С 1996 г. живет в Кельне. Автор 11-ти книг с предисловиями А.Цыбулевского, Ф.Искандера, С.Чупринина, М.Гарбер и др. Лауреат Премии имени В.Сирина (Набокова) 2015 г. «За непрерывный творческий поиск и приверженность русскому поэтическому слову». В 2016 г. за книгу «Стихия и Пловец» поэту присуждена Русская премия.

Э тот поэт не криклив. Вы не отыщете в его стихах строчки, (даже слова!), исполненных шумного пафоса, оголенных эмоций. Кажется, что его печаль – сдержанна, ностальгия – спокойна, воспоминания – безболезненны. Конечно, это только кажется. Просто таковы его поэтическая метода, авторский художественный стиль. Даниил Чкония не раскрывает свои раны на всеобщее обозрение (разве что прихватишь взглядом мелькнувший рубец), но хранит их глубоко в себе. А чашу страдания не выплескивает безоглядно, а несет терпеливо и бережно, стараясь не уронить ни капли. Потому-то плотность страдания у Чкония выше, чем у многих, а кристалл радости – ярче.

Если бы мне пришлось выбирать одно-единственное слово для того, чтобы охарактеризовать поэтический мир Даниила Чкония, я бы выбрала слово «достоинство». Поэту одинаково чуждо как самолюбование, так и самоуничужение. Он не позволяет себе ни впасть в отчаяние, ни ударяться в панику, ни раскисать. Хотя (это так ясно!) ему знакомо любое из этих состояний. Но – достоинство мужчины обязывает. Он один из немногих по-настоящему мужественных и благородных мужчин в современной поэзии, где истериков не счесть, а имя страдающих комплексами – легион. Он снисходителен и великодушен, а это и есть главные признаки подлинной силы.

Даниилу Чкония удастся сочетать в своей поэзии душевную боль (да уж какая поэзия без боли,

Даниил Чкония

так просто не бывает) и душевное здоровье. Поэтому его стихи целебны. Они, если и не утешают, то врачуют.

Он очевидный последователь классической золотой линии русской поэзии XX века. В числе его предшественников и учителей – Давид Самойлов, Арсений Тарковский. Он следует в заданном ими направлении. Но своей дорогой. Он не навязывается в попутчики никому. И никого не зазывает в дорогу с собой. «Простота» его, как и полагается, «неслыханна». Стихи Даниила Чкония узнаешь сразу, запоминаешь надолго, хочешь читать и перечитывать вновь.

А еще – хочешь поговорить с тем, кто эти стихи написал.

– Поэзия – дело элитарное?

– Знаете, Нина, у меня нет однозначного ответа. Мне уже доводилось размышлять на эту тему, давая интервью различным изданиям. Поэзия потеряла массового читателя – процесс расхождения читателя и поэзии носил объективный характер: люди вынуждены были бороться за существование, стало не до стихов. Кроме того, свобода прессы в 90-е привела к невостребованности прямого публицистического высказывания в стихах и «эзопова языка» поэзии. Объясните сегодняшнему 20-летнему человеку, о чем поет Окуджава в «Песенке о московском метро»? Кто справа, кто слева, почему одни стоят, другие идут? «Возьмемся за руки, друзья!» – это о ком? И пока прежний читатель боролся за кусок хлеба или занимался бизнесом, в смысле, воровал (а иначе, какой мог быть бизнес?!), а новый потенциальный читатель недоумевал, поэзия, обретая свободу от цензуры и стандартов «соцреализма», стремительно усложнялась и эстетизировалась, становилась в прямом смысле «искусством слова». Это оттолкнуло массового читателя еще больше, а поэзия загерметизировалась, читатель

и поэзия «обиделись» друг на друга. И, пожалуй, ответ такой: поэзия сегодня все чаще – дело элитарное. Но грустноватую интонацию я бы осветил позитивным явлением: читателей поэзии стало совсем немного, зато они – настоящие!

– Как вам кажется, зачем человеку читать стихи? Простите за наивный вопрос.

– Чтобы стать человеком! Чтобы развивать в себе личность, гуманизироваться (несколько неуклюже звучит, но пускай), воспринимать мир не только умом, но и чувствами, сердцем, как я настойчиво повторяю, «умным сердцем»!

– Есть ли люди, которых невозможно приучить читать стихи?

– Ну, конечно, есть! Я даже рассуждать на эту тему не стану, разве что выражу им свое сочувствие. Но они в меньшинстве. До революции в гимназии на уроках словесности учили не только

читать стихи, но и писать их. Гусар, явившись в дом на званый ужин, оставлял дамам в альбомах какие-никакие стишки. Нынешние «гусары» чаще существа примитивные.

– Как сочетаются в поэте ремесло и дар свыше? Надо ли учиться писать стихи?

– Учиться надо. всю жизнь. У великих, у мастеров. Приобретать опыт, умение. В этом смысле можно говорить о ремесле, о профессионализме. И тут же замечу: душа-то спит, на ремесленном посыле творчество не происходит. А вот привычка писать, не испытывая «вдохновения», подарила нам уже столько умозрительных сочинений в стихотворной форме, что у некоторых молодых авторов возникает мысль: существуют технологии создания текстов, ими нужно овладеть. И они – правы: технологии существуют, тексты создаются. К поэзии это никакого отношения не имеет.

– А как вы относитесь, например, к пособию Владимира Маяковского «Как делать стихи»?

– Тут есть проблема – читано столь давно и, признаться, с недоверием, но с огромным интересом! Во-первых, провокационное название: «... делать стихи», оно для иных читающих-пишущих – соблазн поверить, что «делать стихи» можно. Стихи – можно! Поэзию – нет! И сам Маяковский в своей статье все время оговаривается, то, что он сам делает, не является универсальным правилом. Да и не делал он стихи своей молодости, кровью писал. Поэтому «Облако в штанах» – шедевр, за которым «я себя под Лениным чищу» – пошлятина. А вот то, что стихи можно и нужно редактировать, уже написанные, «отделять стихи», это – верно. Тут лучше за образец взять книгу Бонди «Черновики Пушкина». Замечательный пример: каким рядовым был первоначальный вариант стихотворения, которое после пушкинского редактирования превратилось в знаменитое «На холмах Грузии лежит ночная мгла».

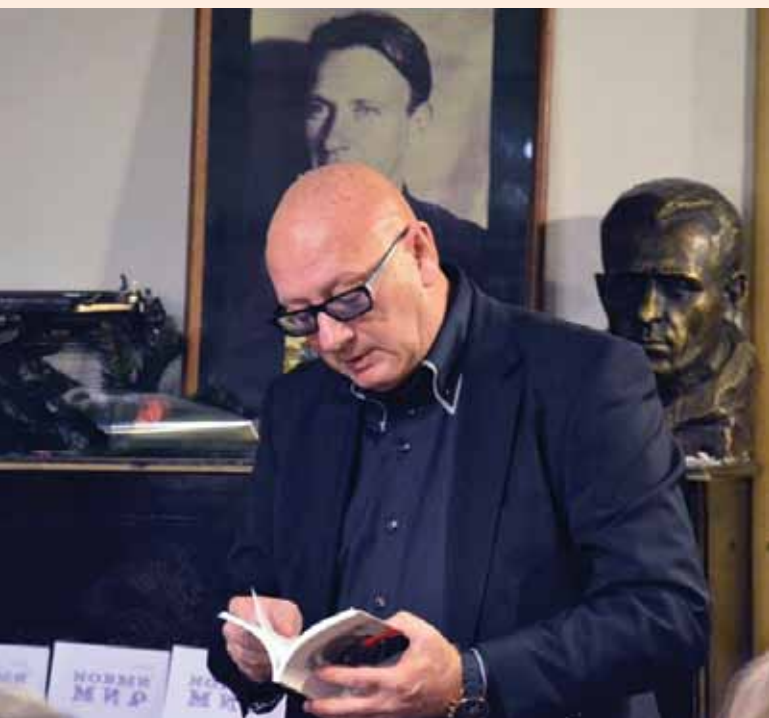
– У кого и как учились вы?

– Учился я в Литературном институте имени М.Горького. Семинары творческие вели выдающийся литературный педагог Лев Адольфович Озеров, феноменальный Фазиль Абдуллаевич Искандер (куда смотрят остолопы из Нобелевского комитета!), восхитительная умница и красавица, не по годам серьезная и ответственная, мастер художественного перевода Анаида Николаевна Беставашвили. Позже, работая консультантом СП Грузии, я подружился с Александром Семеновичем Цыбулевским, замечательным поэтом, который стал не только литературным, но и моим духовным наставником. Он, кстати, был инициатором издания в «Мерани» моей первой книги «Звук осторожный». Его влияние на становление моей личности и формирование творческого лица

было определяющим. Он придал мне чувство большей уверенности в моих способностях, «расковал» меня.

– А можно поподробнее об Александре Цыбулевском? Что вам вспоминается о нем?

– Для меня Шура, как его звали все, независимо от возраста и приближенности или отдаленности знакомства, навсегда останется Александром Семеновичем – старшим другом, наставником. Впервые я открыл для себя поэта Цыбулевского, купив его книжку «Что сторожат ночные сторожа», уезжая из Тбилиси, где какое-то время проучился на филфаке ТГУ, в Москву, в Литинститут. Книжка эта, совершенно неординарная, в силу «эстетических расхождений с советской властью» невозможная для издания в Москве, только и могла выйти в тбилисском «Мерани» – на грузинском островке свободы для русской поэзии. Она была моей настольной книжкой в общезжитии Литинститута. А когда я вернулся в Тбилиси после окончания института и был принят на работу консультантом правления СП Грузии, многих своих новых друзей-литераторов расспрашивал о нем, делаясь своими впечатлениями от его поэзии. И все в один голос восклицали: «Шура? Конечно, знаю! Я тебя с ним познакомлю!» Так не менее двух десятков тбилисских поэтов обещали мне это знакомство, но случая, видимо, не представлялось. Прошло месяцев восемь. Сижу однажды в библиотеке Союза писателей на Мачабели. Входит человек и спрашивает меня. Представляюсь. Он говорит: «Я – Цыбулевский. Мне многие говорят о том, как вы обо мне отзываетесь и что хотите познакомиться со мной, так вот я и зашел». Не могу сказать, кто из нас при этом был больше смущен. Так началось знакомство, быстро переросшее в человеческую дружбу. И вот что было дальше. Мы часто виделись в доме у Цыбулевских, часто гуляли по Чугурети, по Майдану. Говорили о поэзии. Я больше слушателем был, благодарным! О жизни! Он – о своих историях, я – о своих, в основном, отвечая на его расспросы. И периодически он напоминал, что я должен показать ему свои стихи. Я тянул, сколько мог, оправдываясь, что никак не найду времени отпечатать какое-то их количество. На самом деле, это был панический страх разочаровать его, провести трещину в дружбе. Но он настаивал. И однажды я принес три десятка стихотворений, отпечатанных на машинке. Забежал и откланялся: в Тбилиси проходили какие-то очередные всесоюзные дни литературы, прибывали гости-писатели из Москвы, из других республик (мы это в СП Грузии называли «шашлычным десантом»), надо было заниматься ими. На следующее утро, часов в восемь, спешу в гостиницу «Иверия», перед входом кто-то из сотрудников правления говорит мне: «Тут минут пятнадцать назад тебя Цыбулевский искал, пошел в Союз писателей». Освободившись поздним вечером, прихожу все же к нему домой, с замиранием сердца! И пер-

Род Чкония продолжается...

вые его слова: «Что же вы, Даня, прятали от меня стихи, это же уже книжка готовая! Ее нужно издавать!» А дальше – больше. Пока я размышлял о том, что нужно делать, Цыбулевский отнес рукопись в «Мерани», убедил Марка Златкина и Михаила Заверина в необходимости самым скорым временем издать книгу и вызвался быть ее внешним редактором. Мы приступили к работе над рукописью. Это была школа! И Маечке Бирюковой, штатному редактору издательства, работы уже не осталось. А для меня и по нынешний день многие подходы к тексту базируются на том опыте. Книжка уже была в плане издания, уже ушла в типографию, когда Миша Заверин позвонил мне и сказал: «Имей совесть. Приди, напиши заявку от автора на издание книги, а то она выйдет, а элементарные правила не соблюдены». Златкин, Заверин, Михаил Лохвицкий, Отар Нодия и его Коллегия – это легендарные люди, благодарное чувство к которым сохраню до конца жизни. А об Александре Семеновиче еще многое напишу, ибо в памяти его образ, его поступки протянуты, как в его строчках:

*Гостеприимства шепот ветхий,
И лень узнать, при чем тут мы...
Всю ночь протягивают ветки
К окну фонарики хурмы.*

– От каких поэтических строк вы испытали самое большое наслаждение, потрясение?

– Ну и вопрос! Вы, Нина, меня озадачили! Их множество, таких строк! Я бы не назвал конкретные строчки, а скорей – имена. Серебряный век русской поэзии. Анненский, Ходасевич, Георгий

Иванов. Особенно выделю имя Осипа Мандельштама. Названия двух моих первых книг «Звук осторожный» и «Подводный камень» уже говорят о моем отношении к этому поэту. Следующим потрясением стал Иосиф Бродский. Что интересно, ни эти двое, ни Пастернак, Цветаева не имели на меня прямого влияния. Просто любил эту поэзию. Влияли Самойлов, Тарковский.

– Тарковский писал: «Не описывай заранее/ Ни сражений, ни любви,/ Опасайся предсказаний,/ Смерти лучше не зови!/ Слово только оболочка,/ Пленка жребиев людских,/ На тебя любая строчка/ Точит нож в стихах твоих». Сбываются ли ваши строчки?

– О, Арсений Александрович абсолютно прав. Слово способно материализоваться. И лучше бы не рисковать. Но если слово родилось в конкретном стихотворении, деваться некуда, страх надо преодолеть. Пророчества? Некоторые сбылись, но говорить об этом не стану – все равно, что злорадоваться. Но вот такой пример – стихотворение написано лет 8-9 назад:

*Ботинки сбивая, стираю булыжник Европы,
Стираю столетий незримые ныне следы.
Спаси эту жизнь от падения и катастрофы,
Даруй нам надежду глотком*

животворной воды.

Фронтоны и арки, и всадники

в бронзовом свете,

*И древние стены, поросшие вечным плющом,
И времени ветер, усталый от времени ветер,
И путник, укрытый суровым*

и мрачным плащом...

*Послушай, Европа, пока оказалось не поздно,
И в жилах струится, как прежде соленая,*

кровь,

*Очнись, пробудись, и под небом пронзительно
звездным*

Еще устыдись, что презрела Господню

любовь.

Я книгу столетий сегодня с тревогой листаю.

*Отринь свою спесь и трусливость свою не таи
Сама от себя,*

ведь сбиваются варвары в стаю,

И в жалкие толпы собьются народы твои!

Оно публиковалось в трех моих книжках, начиная с 2007 года. Я его трижды выставлял в фейсбуке, но только после трагедии в Брюсселе его в фейсбуке «увидели».

– Как пишутся ваши стихи? По Бродскому: начиная писать, поэт зачастую не знает, что напишется и бывает удивлен результатом? Стихи сочиняются или откуда-то диктуются?

– Бродский абсолютно прав. Подписываюсь под каждым его словом, произнесенным по этому поводу. Иногда просто физическое ощу-

щение, что тобой движет неведомая сила. А потом удивляешься – откуда взялись у тебя эти слова?

– **Похожи ли вы на свои стихи? Вы живете, как пишете, или пишете, как живете?**

– Мне кажется, что стихотворение похоже на автора своим духовным строем. С позволения замечательного поэта Ильи Фаликова, приведу несколько слов из его письма ко мне в связи с выходом моей новой книги «Стихия и Пловец». Илья пишет: «Знаешь, что лучшее в тебе? Абсолютное соответствие написанного тобой тебе самому. Это редкость. Это имеет отношение к естественности, о которой Межиров говорил мне как о базе поэзии». Мне, конечно, лестно это услышать от многолетнего друга, который достаточно сдержан в своих оценках. Надеюсь, что толика правды в этом есть. С другой стороны – классическое: «пока не требует поэта...» имеет место быть.

– **А какой вы, «пока не требует поэта...», как вам кажется?**

– Ой, Нина! Ленивый. Безалаберный. Мне повезло в жизни! Кем и где бы ни работал, чем бы ни занимался, мне было интересно, и лень на время отступала. А если говорить о главном в себе: радующийся жизни – опять же – во всех ее проявлениях! Это моя строчка, о себе: «Я радость из печалей выплавляю»...

– **Как вам кажется, какие времена переживает сейчас русская поэзия?**

– На мой взгляд, русская поэзия на подъеме, несмотря на множество сложных и противоречивых процессов литературной жизни. Есть имена. Есть тексты.

– **Некоторые считают, что интеллигент вообще и художник в частности обязан быть в оппозиции к власти. Вы согласны?**

С критиком Мариной Гарбер

– Мне эта формула не кажется универсальной. К дурной власти – да! К диктатуре – да! Но если власть действует разумно, если человек является предметом заботы власти, почему нужно быть в оппозиции? Но сервильность в любом случае мерзостна.

– **Что такое свобода в вашем понимании?**

– Право свободно высказывать свое мнение, независимость от государства, которое может предъявлять свои требования исключительно в рамках закона, свобода творчества, наличие гражданского общества, поведение человека, не ущемляющее другого индивидуума.

– **Какой и чей поступок вас восхищает?**

– Теряюсь – в жизни множество ситуаций, в которых люди совершали поступки, требующие мужества, героизма, высокой нравственности, жертвенности... Но я бы все-таки назвал Януша Корчака!

– **Что делает вас счастливым?**

– Сам факт жизни, как бы она ни складывалась.

– **С кем, из живших ранее, вам хотелось бы поговорить?**

– С двумя своими дедами, которых я не знал, так как одного уничтожили в 1937 году большевики, а другого – в 1941 – фашисты.

– **Чему вас успела научить жизнь?**

– Терпению, когда наступает черная полоса жизни, вере, что за черной опять придет светлая.

– **И напоследок. Думая о Грузии, что вы вспоминаете в первую очередь, по чему скучаете?**

– Я просто очень люблю эту страну! Люблю этот народ с его мужеством, благородством, достоинством, умением дружить, с его неутолимой верой в себя, с ярким артистизмом... Станным образом в грузинах наряду с мудростью живет детская наивность, с достоинством – умиленное бахвальство, с восточной безалаберностью и ленью – способность упорно трудиться и достигать больших успехов в разных сферах человеческой деятельности! Скучаю по близким, по друзьям, по дружеской посиделке...

Все – Тбилиси, Тбилиси, Тбилиси!

Это имя звучит без конца.

Эти улочки, вывески, выси,

Многоликое чудо лица.

Все сплелось, перепуталось, спелось,

Все смешалось, навек обнялось.

Это – словно усталость, и спелость,

И веселая юная злость.

Это – совесть, и это – дыханье.

И дышу.

И пока не умру, это – листьев моих колыханье

На последнем, на вечном ветру.

ПОЭТ, ПУТЕШЕСТВЕННИК И ВОИН

Иванэ Курасбедиани в спектакле «Я – Николай Гумилев!»

■ Ирина КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ

Николай Гумилев для нас сегодня – далекая яркая молния с поздним раскатом грома!

Мы уже привыкли и полюбили короткие спектакли Левона Узуняна – информационные и эмоциональные сгустки. Они не успевают надоесть! Ярким блицем с гулками аплодисментами стал посвященный поэту спектакль грибоедовцев.

«Я – Николай Гумилев!» – спектакль одного актера. На малой сцене только дверь тюремной камеры, табурет и чайник. Самоуверенно и смело! Кто он этот единственный актер? Смоктуновский? Роберт Де Ниро? Том Круз? Почему его должны слушать целый час?

На сцене молодой грузинский актер Иванэ Курасбедиани – к удивлению, ему удалось держать зал! Спектакль-исповедь тюремщика идет на одном дыхании.

Последний день жизни приговоренного к смерти поэта. Тюремщик оказывается другом детства, незримо присутствовавшим во всех жизненных перипетиях Гумилева и вечно ему завидовавшим. Немудрено. Пока один из них писал стихи, любил ярких женщин, путешествовал, другой – убивал врагов революции. В момент кульминации бывший друг в исступлении

пытается смыть кровь жертв с рук, поливая себе из чайника. А в конце и вовсе предлагает поменяться одеждами и принять смерть за поэта! И все это время зритель не только следит за тюремщиком, но и тянет шею, пытаясь заглянуть за камерную дверь. Там в любой момент может появиться сам Гумилев. Только в конце понимаешь, что это и был сам Гумилев со своей фантазией о последней возможности спасения и промелькнувшими воспоминаниями всей жизни. Как же мы его сразу не узнали?

Как же мы забыли, что «он подтянулся и благодаря своей очень хорошей длинноногой фигуре и широким плечам, был очень приятен и даже интересен, особенно в мундире». Что мы вообще о нем помнили? Только ли то, что он расстрелянный муж Ахматовой? Хотя в конце он был уже мужем другой женщины. Но это не наше невежество. Называть великого русского поэта, знаменитого исследователя Африки и русского офицера, кавалера двух Георгиев мужем бывшей жены придумали русские поэты и литературоведы, чтобы иметь возможность о нем писать и говорить. Это был пароль.

После расстрела по обвинению в недонесении о существо-

вании контрреволюционного заговора, не только имя поэта и его книги были запрещены, но и экспонаты, привезенные из Африки, были изъяты из Кунсткамеры и упрятаны в глубокие запасы. Этот маразм продолжался 60 лет до официальной реабилитации! Откуда такая ярость? За что его действительно убили? Был ли он случайной жертвой первой волны террора? До сих пор нет однозначного ответа. Он никогда не отвергал революцию, никого из власть имущих не оскорблял, не был белогвардейским офицером. Но он был чрезвычайно ярким даже среди поэтов. Зависть? Возможно, это она вынесла смертный приговор! Ну, а высокохудожественный донос был любимым литературным жанром той эпохи.

Смерть поэта со временем превратилась в легенду, обросла всевозможными версиями. Было интересно, какую версию предложат авторы спектакля.

Грузия, как обычно, берет на себя ответственность за русских поэтов, в свое время побывавших на ее земле. Это ответственность дружбы. Каждый из поэтов в тяжелые периоды жизни получал здесь ту поддержку и внимание, которых были лишены на родине. С Николаем Гумилевым – все совсем по-

другому. За него Грузия отвечает, как за ребенка, выросшего на глазах, за своего ребенка! И потому с такой болью и печалью!

Коленька Гумилев приехал в Тифлис с семьей в 13 лет. В то время он был слабым и невротичным ребенком. Чтобы подростка от шума не мучили изнуряющие головные боли, приходилось закладывать уши ватой. Из-за врожденной дислексии – косноязычия, в России были проблемы с учебой. Каково мальчику в переходном возрасте с такими проблемами попасть в новую языковую и ментальную среду? Он мог полностью сломаться, не повзрослев. Но, к счастью, в Грузии в мальчишеской среде всегда ценилось то, чего в Гумилеве всегда было в избытке – смелость и безудержная фантазия.

И он обрел здесь друзей, поддержку и здоровье. Он обрел себя! За три года, проведенных в Тифлисе, его, как каждого грузинского подростка, научили тому, как мужчина должен держаться в разных жизненных ситуациях, как не должен бояться своих эмоций и желаний, как непременно должен добиваться своего. В Грузии он вдруг ощутил себя поэтом. В «Тифлисском

листке» были напечатаны его первые стихи. И, конечно же, в эти годы он испытал самые яркие, самые незабываемые эмоции, которые во взрослой жизни уже не повторились «Я верно болен: на сердце туман. Мне скучно все, и люди, и рассказы. Мне снятся королевские алмазы и весь в крови широкий ятаган».

Он всю жизнь будет искать гиперяркие впечатления. И в своих поисках будет экстремалом. Балансирование на грани жизни и смерти, ощущение себя идущим по канату над пропастью – вот то состояние, в котором писались стихи. Три путешествия в Африку, участие в военных походах (единственный из поэтов доброволец на фронте), дуэль, две попытки самоубийства из-за несчастной любви к Анне Ахматовой и т.д. Даже одной из слабых версий ареста и расстрела был мимолетный роман с женой командарма Балтийского флота. Риск был потребностью! Но зато какие волшебные получались стихи!

«Так, в далекой Сибири, где плочет пурга, застывают в серебряных льдах мастодонты. Их глухая тоска там колышет снега. Красной кровью – ведь их – зажжены горизонты».

«Ты помнишь, у облачных впадин с тобою нашли мы карниз. Где звезды, как горсть виноградин, стремительно падали вниз».

«Я знаю женщину: молчанье, усталость горькая от слов, живет в таинственном мерцании Ее расширенных зрачков».

С другой стороны, при всем своем романтизме, он четко понимал, чего хочет. Знаменитые русские поэты «Серебряного века» – Блок и Брюсов, Ахматова и Мандельштам, Волошин, Цветаева, Северянин, Есенин, Маяковский и другие в этот период написали свои лучшие творения. Он был их явным лидером! Жестким конкурентом Александру Блоку. При глубоком уважении поэтов друг к другу. Именно Гумилеву, а не Блоку предложил Максим Горький стать директором поэтического подразделения в историческом проекте «Всемирная

литература». Он организовал «Цех поэтов» и успешно им руководил. Новое направление в поэзии – акмеизм – тоже плод его фантазии. Более того, со слов Корнея Чуковского, авторитет Гумилева был так велик, что ни один поэт не мог напечатать без него свой сборник и организовать выступление.

«И если я волей себе покорю людей. И если слетает ко мне по ночам вдохновенье. И если я ведаю тайны – поэт, чародей, властитель вселенной – тем будет страшнее паденье».

При этом все считали его вечным ребенком, фантазером и лицедеем.

Фантазером! Даже мать Гумилева до конца жизни верила, что ему удалось спастись и добраться до Африки. Вот и в камере, уже зная приговор, от кого он мог ждать помощи и спасения в последний момент? От Горького, который вроде бы доехал до Ленина? От Ленина, который вроде бы телеграфировал об остановке казни, но опоздал? Конечно нет! Скорее всего, вспоминая счастливую юность, он ждал помощи от своих тифлиских друзей. Но как это могло произойти? И воображение поэта в последний раз нарисовало себе тюремщика, оказавшегося другом детства. Так предложено авторами спектакля.

Чуда не случилось. Как обидно! Но такая версия имеет право на существование.

Будто бы в последний момент перед расстрелом примчался «черный ворон» со следователем, который успел выкрикнуть: «Где поэт Гумилев?». На что получил ответ Гумилева: «Нет поэта, есть царский офицер!». А еще есть легенда, что на стене камеры он нацарапал стихи: «Я не трушу, я спокоен, я поэт, моряк и воин, не поддамся палачу...»

Много разных легенд! Власти десятилетиями хоронили поэзию Гумилева и память о нем – сначала запретами, потом полным забвением. Время все ставит на свои места. Как прекрасно, что через 90 лет память о Николае Гумилеве проросла в Грузии таким звучным спектаклем!

Валерий Сандлер меж двух Шота. Фрунзе. 1984

КАК НАШЕ СЛОВО ОТОЗВАЛОСЬ...

■ Валерий САНДЛЕР

*Сны о Грузии – вот радость!
И под утро так чиста
виноградная сладость,
осенившая уста.*

Белла Ахмадулина

Это большая удача, что мои личные сны о Грузии – пусть не столь виноградно-сладкие, какие были у Беллы Ахатовны, – не растаяли без следа, а, в отличие от обычных снов, остались ярким всполохом в моей жизни. «Ты жив, пока у тебя есть хорошая история и кто-то, кому ты можешь ее рассказать», – эта мысль, вычитанная мной у итальянца Алессандро Баррико в его романе «1900-й. Легенда о пианисте», помогла мне в работе над книгой воспоминаний, отрывки из которой напечатал «Русский клуб» в 4-м и 5-м номерах этого года. Ну, а коль скоро сошлись оба условия – история и ее читатель, – то, значит, мы еще поживем.

На публикацию в «Русском клубе» откликнулись многие мои друзья, коллеги и просто знакомые, которым я разослал электронный адрес журнала. Нет нужды цитировать здесь все

отклики: они, как и ожидалось, были добрыми, я приведу лишь несколько самых-самых...

«Прочитал с удовольствием и жду окончания. Хороший журнал (прочел и другие статьи и материалы).

*Александр Пантелиреис,
Германия».*

«Читала с интересом и ностальгией. Дух времени и запахи Грузии присутствуют в каждой строке.

*Раиса Ковалева,
Киргизстан».*

«Прекрасный рассказ о прекрасных людях из прекрасного далека.

Завидую вашему везению на таких людей.

Поздравляю с отличной работой!

Ваши грузинские друзья должны вами гордиться.

Как и вы ими.

*Виктор Родионов,
Луисвилл, Кентукки, США».*

«После прочтения твоих грузинских напевов не хочется расставаться с этой удивительной страной. Ты рассказал историю жизни, богатства человеческих отношений, достоинства, традиций. Мы влюблены в Грузию, и мы выучим слова песни о Тби-

лиси, и когда случится встретиться с тобой, быть может, вместе споем. Спасибо, спасибо тысячу раз!

*Виталий и Галина Нишановы,
США».*

Поблагодарив всех, кто откликнулся, – кого ответной «емелькой», а кого телефонным звонком, – я чуть было не почил на внезапно свалившихся лаврах, но этому вовремя помешало письмо коллеги, отличного журналиста, с которым мы до недавнего времени пересекались на страницах одного и того же издания. Вот как он судил о прочитанном:

«Очень вкусные и колоритные эссе в истинно грузинском духе. Хотя я знаю другую сторону грузинской души – криминальную. Парадокс национального характера. Абсолютное большинство воров в законе – грузины. А это безжалостные и беспринципные личности. В любом случае это красивая история. Поздравляю. Мне понравилось».

Вовсе не сторонник обсуждений в стиле «нравится – не нравится», я был уязвлен явной несправедливостью по отношению к стране, которую искренне люблю, и к ее народу. Ответил,

как только и считал возможным:

«Вам просто не повезло по части знания грузинской души, сочувствую. Душа, которую вы имеете в виду, — не более грузинская, нежели еврейская, русская, немецкая, американская, и прочая, и прочая. Число воров в законе — обыкновенная статистика, безжалостность и беспринципность — необходимые составляющие их профессии, *poblesse oblige*, не более того. «Других сторон» грузинской души я знаю немало, но говорить о них стал бы только в специальном контексте, что называется, в тему. Зато я вовсе не уверен, что в какой-нибудь другой стране, кроме Грузии, с незнакомым человеком обойдутся так, как обошлись со мной».

«Согласен в одном: такая история могла случиться только в Грузии, — подхватил тему мой собрат по профессии. — Я испытал на себе градус грузинского гостеприимства во время свадебного месяца в международном лагере Бакуриани. Я и два моих русских приятеля по лагерю пошли за вином в соседнюю деревню. «Покупка» обернулась грандиозным застольем с участием половины жителей деревни. Как мы вернулись в лагерь, никто из нас троих не помнил. Но не вам рассказывать: нигде в Союзе не жили так, как в Грузии. За счет чего? В основном за счет криминала. Не обязательно гоп-стопа. Да, криминал есть у всех народов. Но некоторые из них «равнее». Цыгане, чеченцы... В этом ряду грузины. Так было в Союзе, так есть сейчас. Что ни вор в законе, обязательно грузин. За редким исключением в пользу других наций Кавказа. Я ничего не имею против грузин. Яркий народ с уникальным национальным характером, изумительным хорovým пением, удивительным кино. И вместе с тем...»

Сам я виноват, что обмен мнениями, пусть и недолгий, и вполне корректный, все же завязался. Хоть через силу, а пришлось к нему подключиться:

«Пока читал Ваш ответ — думал, что к знаменательному признанию «Я ничего не имею

против грузин» будет добавлено: «У меня самого есть друзья грузины»*. Но, слава Богу, до этого не дошло. Вы правы в том, что в Грузии жили, как нигде в Союзе, и это вызывало зависть, чаще всего — нездоровую, близкую к ксенофобии. Но жили они так в основном за счет таланта и трудолюбия, умения работать на земле, а также в силу способности красиво веселиться, радоваться жизни, любить свою замечательную страну, гордиться и дорожить ее красотой. А вовсе не за счет криминала. Другое дело, что в грузинском обществе часто и на самых разных уровнях присутствовала коррупция, только ее вряд ли следует путать с криминалом. И пусть мне не повезло побывать в международном лагере Бакуриани, но я Грузию посещал много раз, видел ее города и деревни, и могу свидетельствовать, что застольное гостеприимство — важная, но не главная черта грузин, как и криминал — не главная составляющая их жизни».

Коллега, явив природную воспитанность, написал в ответ:

«Самой достойной чертой под дискуссией будет тост за Грузию. Что мы сегодня и сделаем. У меня в доме есть соседи из Тбилиси. Правда, не совсем грузины — грузинские евреи. Но за неимением оригинала, сгодятся и эти».

Предложение было мною принято с удовольствием, но и с комментарием:

«Вот это по-нашему, по-грузински! И обязательно произнесите, поднимая бокал с вином: «Сакартвелос гаумарджос!» — благодарные соседи станут носить Вас на руках».

Кстати, в моей книге, откуда взят отрывок, есть интервью, которое мне дал в 1988 году Вахтанг Кикабидзе: о том, как

* Подобные признания варьируются: кто-то числит в друзьях евреев, татар, украинцев или чукчей — но цель при этом всегда одна: подчеркнуть, что в общем и целом сами народы никуда не годны.

он вместе с Нани Бреговдзе и старым составом группы «Орэра» был на гастролях в Израиле. «Нас буквально взяли в плен живущие там грузинские евреи, в итоге мы так и не поняли — на каком языке говорят в этой стране и какую пищу едят. Все три недели вокруг нас звучала только грузинская речь, ели мы только грузинские блюда». Поэтому не говорите соседям, что они «не совсем грузины», — а то зарезать могут. Шутка. А серьезно — вспомните эпизод из фильма «Мимино», звонок в Телави...»

Нам обоим, как и следовало ожидать, хватило такта и ума не развивать тему до уровня и размеров переписки по национальному вопросу, какая завязалась в середине 80-х годов прошлого столетия между историком Натаном Эйдельманом и прозаиком Виктором Астафьевым, автором романа «Печальный детектив» и рассказа «Ловля пескарей в Грузии». В первом из этих произведений историк усмотрел признаки антисемитизма, во втором — неприкрытую грузинофобию, в чем не без оснований упрекал автора. Переписка, перешедшая в спор, разошлась по Москве во множестве машинописных копий, а после смерти одного из спорящих появилась на страницах рижского журнала «Даугава», никого в итоге не примирив, многих рассорив, а сам предмет спора оставив в еще более запутанном виде.

Коррупция, как бы кому ни хотелось ее представить русской, грузинской, еврейской, американской или какой-либо иной, — не имеет национальности, она одинаково разъедает любое общество, подменяя собой нормальные человеческие отношения, основанные на законах экономического развития, да и просто на законах. Не бог весть какой мудрый вывод, если идти к нему, отринув предубеждения, отказавшись от мысли о превосходстве одной нации в противовес ущербности другой.

Не бывает плохих наций и народов — бывают плохие люди. Истина, признать которую способен не каждый.

Михаил Амирханян

ЭНТУЗИАСТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

■ **Наталья БАСИЛАЯ, Анастасия ЗАКАРИАДЗЕ, Мери НИКОЛАИШВИЛИ**

В нашем динамично развивающемся мире очень важно беречь и приумножать творческие связи, возникающие между учеными разных стран благодаря великой русской литературе.

«Гигант Пушкин – величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России... а рядом с ним... беспощадный к себе и людям Гоголь, тоскующий Лермонтов, грустный Тургенев, гневный Некрасов, великий бунтовщик Толстой... Достоевский и, наконец, ... чародей языка Островский, непохожие друг на друга, как это может быть только у нас на Руси... Все это грандиозное создано Русью менее чем в сотню лет. Радостно, до безумной гордости волнует не только обилие талантов, рожденных Россией в XIX веке, но и поражающее разнообразие их, разнообразие, которому историки нашего искусства не отдают должного внимания», – писал М. Горький о значении русской литературы, «признанной миром, изумленным ее красотой и силой».

Жизни и творчеству вели-

ких мастеров русского художественного слова, рассмотренных сквозь призму национальных литератур, за последние годы был посвящен ряд авторитетных научно-практических форумов.

Их вдохновителем и неизменным организатором является ректор Ереванского гуманитарного института, доктор филологических наук, профессор Михаил Давидович Амирханян.

Эти творческие встречи проникнуты одной главной идеей: диалог представителей разных культур должен служить взаимному обогащению русской и национальных литератур. При этом необходимо сохранить не только накопленный опыт прошлых лет, но и придать новый импульс сегодняшним научным и человеческим контактам. Ведь межличностные связи были и остаются эффективной формой познания взаимодействия русской и национальных литератур. Они способствуют обмену мнениями по самому широкому кругу вопросов.

На этих конференциях, как правило, собираются специ-

алисты разных областей науки. В докладах вопросы жизни и творческой деятельности великих русских писателей и поэтов рассматриваются сквозь призму литературной критики, философии, лингвистики, лингвопоэтики, семиотики и других смежных языковедческих и литературоведческих дисциплин.

Наше научное сотрудничество с Михаилом Давидовичем, быстро переросшее в крепкую дружбу, началось с его звонка в деканат гуманитарного факультета Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили. Трубку подняла координатор по направлению «филология», профессор Мери Николаишвили. Михаил Давидович рассказал о своей инициативе провести цикл конференций, посвященных «круглым датам» жизни и творчества колоссов русской литературы, и пригласил грузинских коллег на первую – международную научно-практическую конференцию «Гоголь: русская и национальные литературы».

С тех пор прошло 6 лет, вместивших 9 конференций, на ко-

торых обсуждались вопросы жизни и творческой деятельности Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.С. Грибоедова.

В каждой из них грузинские ученые принимали самое деятельное участие. Так, авторы этих строк в своих докладах, в частности, анализировали восприятие творчества русских классиков в Грузии (профессор Мери Николаишвили), философские, мировоззренческие, нравственные основы их творчества (профессор Анастасия Закариадзе), некоторые особенности стиля корифеев русской словесности (профессор Наталия Басилая).

В ряде конференций были представлены интересные доклады наших тбилисских коллег. В их числе – доктор филологии Инна Безирганова, рассмотревшая вопрос о драматургии И.С. Тургенева, доктор филологии Мария Киракосова, посвятившая свое выступление рассмотрению музыкальных сатир М.Е. Салтыкова-Щедрина, доктор филологии Нино Багратион-Давиташвили, изучившая речь действующих лиц в «Вишневом саде» А.П. Чехова, и другие авторы.

Отрадно отметить, что перед началом каждой конференции Михаил Давидович дарит каждому ее участнику красочно оформленный сборник материалов, на обложке которого изображен портрет героя очередного обсуждения. Так что у нас уже собрана целая картинная галерея из этих сборников. Они высоко оценены во многих международных средствах массовой информации.

А сборник докладов, посвященный жизни и деятельности А.Н. Островского, вошел в ряде стран постсоветского пространства в список книг, рекомендуемых для изучения студентам-филологам. И это не удивительно.

Число участников конферен-

ций, как и стран, которые они представляют, год от года расширяется.

Так, на Грибоедовской конференции, которая состоялась в сентябре 2015 года, были представлены доклады 86 ученых из Армении, Грузии, различных регионов России, Италии, Испании, Румынии, Франции, Германии, Словакии и других стран.

Это свидетельствует не только и не столько о постоянном расширении географии представительства участников проекта, а является, в первую очередь, показателем повышения интереса к русской литературе, ее обновленного восприятия, осознания необходимости исследования литературного наследия с позиций современности, без идеологических и политических наслоений. Ведь неиссякаемый научный интерес к русской классике не только позволил открыть много новых страниц в понимании творчества знаменитых писателей, но и творчески обогатить самих исследователей. А ведь именно это и означает взаимообогащение культур.

И еще одна, на наш взгляд, немаловажная деталь.

Михаил Давидович Амирханян считает, что знакомство гостей с историко-культурным наследием Армении имеет не только этнографическое, но, если можно так выразиться, эмоционально-научное значение. Именно поэтому он в ряде случаев организует весьма познавательные экскурсии. Так, участники Пушкинской конференции побывали у необычного памятника великому русскому поэту – родника, возведенного на 130-м километре трассы Ереван-Степанаван. Здесь на пути в Арзрум у села Гаргар (Гергеры) на крутых виражах гор 6 июня, в день рождения Александра Сергеевича Пушкина, состоялась единственная встреча блистательных поэтов – Пушкина и Александра Сергеевича Грибоедова, тело которого на арбе везли в Тифлис.

В июне нынешнего года Ми-

Участники конференции, посвященной творчеству М.Е. Салтыкова-Щедрина в Армении

хаил Давидович в очередной раз собирает нас на армянской земле на конференцию «Н.М. Карамзин: русская и национальные литературы».

Заявку на участие в ней, по существующей традиции, мы уже подали.

В заключение хочется сказать еще об одном.

У некоторых читателей может возникнуть вопрос, почему в данном материале столь акцентированное внимание мы уделяем личности Михаила Давидовича Амирханяна?

Потому что без него – маститого литературоведа, яркого, неординарного педагога и ученого, впервые в мире придавшего столь широкий международный масштаб исследованию и пропаганде русской классической литературы, не было бы наших замечательных встреч.

Потому что именно он предпринял реальные шаги к расширению горизонтов взаимопонимания в культурном геополитическом пространстве, в котором сияют всемирно известные имена русских писателей и поэтов.

От души хочется пожелать Михаилу Давидовичу новых творческих успехов в его многогранной деятельности. А главное – армянского долголетия. С его умением найти общий язык с теми, кто может помочь в решении многих сложных вопросов в организации наших конференций.

Мы уверены, что в будущем и с этой задачей он справится.

Очерк, отрывки из которого вы прочтете, Саша передал мне несколько лет назад, незадолго до своего ухода. Он был моим одноклассником, мы вместе бегали на «шатало», хватали двойки и готовили школьные КВН-ы. В отличие от меня, он мечтал стать инженером и стал им. Да еще каким! Он был из тех, кому дано очень много, технарь уживался в нем с гуманитарием, и он все делал талантливо, по большому счету. Стал одним из лучших профессиональных автогонщиков Грузии, сам создавал машины, возглавлял в Москве крупную фирму и... писал. Относился к этому не очень серьезно, по телефону посмеиваясь над собой. С трудом мы уговорили его переписать по Интернету воспоминания о тбилисском детстве. О Тбилиси он помнил всегда и везде и написал о нем талантливо и искренне.

Объем журнала, увы, не позволяет дать его очерк полностью. Пришлось что-то сократить, но, мне кажется, у автора не было бы претензий. Саша обещал прислать продолжение. Не успел. Похоронили его в Тбилиси.

Владимир Головин

Дом, в котором прошли детские годы Александра Эксерджяна

КАКОЙ ЛАЗУРНЫЙ НЕБОСВОД...

■ Александр ЭКСЕРДЖЯН

После окончания Великой Отечественной Войны прошло совсем немного по временным меркам Вселенной, всего каких-то пять лет, а в родильном отделении больницы Арамянца на Авлабаре, 13 сентября 1950 года, в 19:30 по местному времени появился на свет я. Не Бог весть какое событие во вселенском масштабе, но, тем не менее, событие. Грузия постепенно залечивала раны – физические, душевные и духовные, а заодно восполняла демографические дыры, я бы сказал, бреши, возникшие за войну и предшествовавших ей репрессий 30-х. Практически в каждой семье были потери. Наша – не исключение. Вот я и оказался в роли латки на семейную брешь, если посмотреть на вопрос с демографического угла. Но на самом деле я был желанным ребенком и первенцем у моих родителей.

Спустя положенное время меня повезли домой, в старый добрый Солولاки, старинный и приятный во всех отношениях район старого Тбилиси. Расположенный в живописном ущелье между древней крепостью

Нарикала и горой Святого Давида, этот район населяли врачи, художники, промышленники, ученые и просто люди, которые являли собой основу благополучия и процветания не только города, но и всей Грузии. Пока меня везут из больницы домой, есть возможность, и я бы сказал, необходимость прояснить кто есть кто, как мои родители и предки моих родителей оказались там, где их застало мое повествование.

Мама отца, которую я звал Бабулей, и к которой меня сплавляли мои родители, дабы отдохнуть от моего деятельного характера и занудных вопросов, – Мария Басинова, наследница вместе со своими тремя братьями и сестрой огромного состояния, нажитого Георгием Басиновым, владельцем четырех мельниц на реке Куре, двух пароходов и прочей движимости. А еще – амбаров и трехэтажного особняка на Федоровской улице (недалеко от площади, которую потом назовут Советской) с конюшней и каретой, с несколькими колясками и кучерами. Нетрудно догадаться о судьбе этого рода после со-

Александр Эксерджян. Конец 1990-х гг.

ветизации Грузии в 1921 году и последующем лихолетье тридцатых... Если вкратце, то, пожалуйста. Дом и все имущество было конфисковано, владельцы карет и лошадей переселены в каретную и конюшню. Старший сын Левон, велосипедист и бонвиван, друг и соперник знаменитого тогда авиатора и велосипедиста Уточкина, был арестован в 1937 году, вернулся из лагерей в 1955-м. После его смерти в сарае, на крюках, среди истлевших от времени уздечек и хомутов висела уникальная старинная велосипедная рама, на которой угадывалась витиеватая надпись «DIAMOND»...

Немного истории. 1915 год, после трагедии геноцида Американская миссия помощи армянам в Закавказье располагалась в Тифлисе. Возглавлял ее молодой, интересный, блестяще образованный, говорящий на нескольких языках Теодорос Эксерджян. Средства и гуманитарная помощь, которые распределяла миссия жертвам, получила очень высокую оценку в обществе. Состоятельные люди Тифлиса стали устраивать благотворительные балы для

сбора дополнительных средств для помощи несчастным. И на одном из таких балов 18-летняя наследница мельниц и пароходов нашла свою судьбу в лице Теодороса. В Америке у него были брат с сестрой, при советской власти небольшая материальная помощь оттуда была как нельзя кстати. Но большевики решили, что это порочит сытого гражданина Советского государства, и в добровольно-принудительном порядке заставили деда отказаться не только от помощи, но и от общения с буржуазными родственниками. Его арест был, по сути дела, предопределен, но двоюродный брат Марии, служивший в НКВД, случайно увидел план ближайших арестов, где одной из первых стояла фамилия Эксерджян. С риском для жизни он сообщает ужасную новость, и моя бабушка сжигает все фотографии, письма и семейный архив. Через день, когда чекисты пришли за Теодоросом, семьи Эксерджяна дома не оказалось. Официальная версия – уехали в деревню на дачу. Там, в деревне, Теодорос и умер от перитонита: «скорая помощь» была только в пропагандистском кино про счастливую жизнь в Советском Союзе...

Путь от родильного дома Арамянца до Соллаки не занял много времени, к моему появлению на третьем этаже дома на Давиташвили все члены большой семьи Петровых-Хотяновских-Эксерджян были там, где им полагалось быть к столь незабываемому моменту... Наш дом был для меня трехпалубным кораблем с этажами-палубами, подвалом-трюмом и с лестницами-трапами... Я сижу сейчас в своей квартире на Кутузовском проспекте в Москве. Необычно теплая зима, за окном небольшой минус и очень красивый снегопад. Снегопад всегда вызывает во мне воспоминания детства, когда первый легкий снежок в Тбилиси провоцировал большинство ребят на «шатало» на Комсомольскую аллею или на фуникулер, кото-

рые возвышались над городом и были местом вожделенного паломничества саночников, лыжников и просто ребятни в короткие дни, а то и часы пребывания снега на склонах вокруг Тбилиси... Неожиданно появившееся солнце могло превратить весь этот праздник в бурные, грязные ручьи и мокрую одежду, а также в воспоминания о здорово проведенных часах в снегу. Я по сей день ощущаю запах зимы и снега, который появлялся на уличном балконе нашей квартиры. Да и снежного покрова едва хватало на пару тройку снежков, которые я метал с третьего этажа на проезжавшие внизу автомобили. Большинство мужиков, которые тогда были мальчишками, подтверждают это ощущение.

Наш дом представлял собой большую букву П, если смотреть на него сверху. У основания левой ножки, на третьем этаже проживала наша многочисленная семья. Напротив, в противоположной ножке, также на третьем этаже – семья Акоповых, состоящая из отца семейства Коли, его жены Кето и их сына Алика. Но именно первые два персонажа заслуживают того, чтобы остановиться на них подробнее. Итак, Кето. В зависимости от сексуальных предпочтений и вкусов мужской части населения дома, ее можно было назвать от пухленькой и полной до откровенно толстой. Бюст был таких размеров, что, с одной стороны, вызывал уважение к его обладателю, то

Нонна и Андрей Хотяновские и Ирина Петрова. 1932

Андрей Николаевич Хотяновский и внучка Ирина. 1961

есть к мужу Коле, а с другой стороны был объектом юмора. Когда Кето вывешивала белье для просушки, мужская часть «экипажа нашего корабля» с кавказским темпераментом обсуждала это явление, и самая безобидная из всех шуток (принадлежавшая моему отцу) звучала так: «Кето, одолжи гамак, дети хотят покачаться». На что гордая обладательница такого богатства с довольной усмешкой на устах растопыривала пятерню и вытягивала ее в сторону говорящего, что означало: чтоб ты сгорел, мерзавец!

По причине того, что Коля был таксистом, его семья ни в чем не нуждалась, и Кетеван не утруждала себя государственной службой, оставив за собой тяжелые обязанности возделывания «семейного поля». В семье она была не только «шеей», но и «головой», благо это было несложно: с одной стороны – из-за тщедушности Коли, а с другой – из-за его абсолютного подчинения воле жены. И чем толще становилась Кето, тем тоньше становился Коля, четко следуя закону сообщающихся сосудов Лавуазье. Мы, пацаны пятидесятых-шестидесятых очень любили доброго дядю Колю, который работая таксистом сначала на «Победе», а потом на двадцать первой «Волге», заезжал, если удавалось, на обеденный перерыв домой. Наша компания караулила тот возжеленный момент, когда, пообедав и соснув полчаса, дядя Коля спускался во двор и великодушно прокатывал нас до поворота на ближайшую улицу Чонкадзе, в ста метрах от наших ворот. Запах салона автомобиля, состоящий из коктейля запахов бензина, масла и тканевой обивки салона, производил действие вида еды у подопытной собаки Павлова: обильное выделение адреналина и чувство сожаления, что удовольствие быстротечно...

Практически, в каждом большом тбилиском доме, который живет как одна большая семья, всегда находился человек, который вызывал повышенное чувство сострадания, и если это требовало того, сопричастности к его судьбе. Как правило, он мог быть объектом юмора, но никогда – злых насмешек. Таким в нашем доме был Маркос Кукунян. Невысокого роста, лысоватый, с всклокоченными остатками некогда пышной ше-

велюры, убого одетый и всегда в калошах, с глазами голодной и больной собаки, он всегда вызывал у нас чувство сострадания и желания его накормить. Почти все соседи, а особенно наша семья, постоянно его подкармливали и подкидывали одежду и обувь. Но, несмотря на их обилие, Кукунян своего вида никогда не изменял и его шаркающая калошами походка была узнаваема издалека. Слово «кукунян» было нарицательным в нашем домовом сообществе. Им страшили маленьких детей, не желающих кушать или идти спать. Когда хотели скрыть источник информации или какой-либо сплетни, то на удивленный вопрос: «Слушай, кто это тебе сказал?», неизменно отвечали: «Кукунян!» Когда мне вдалбливали ка-

Ирина Петрова. Конец 1940-х гг.

кой-нибудь предмет, а чаще всего это была математика, мой отец говорил: уже кукунян бы понял, а ты...

И тут необходимо рассказать о весне 1942 года в горах Кавказа. Гитлер рвется в Баку, немцами взят Беслан. Младший лейтенант Маркос Кукунян, служащий в войсках обеспечения, периодически приезжал в штаб 18-й армии для передачи войскам боеприпасов, снаряжения и прочих грузов. Там в стройной, черноокой и чернобровой девушке он едва узнает Светку-Пипетку, которая играла в куклы на балконе с его сестрой Маргаритой. Два, оказывается, очень близких человека потянулись друг к другу. И внутри гибельного тела войны, они создали для себя маленький мир нежности и надежды на лучшее. В один из приездов Маркоса Светлана, смущенно опустив глаза, сообщила ему, что у них будет ребенок. А в Тбилиси Маргарита уже готовилась принять невестку, как подобает... В родной город Маркос со Светла-

ной двинулись на подводе, щедро обложенной сеном, брезентом и овечьими полушубками. На самом опасном участке дороги Маркос и возница спешили и, взяв коней под уздцы, пошли почти бегом, прижимаясь к горе. Рокот надвигающейся лавины они услышали в последний момент. Когда Маркоса подобрала саперы, в руках у него были зажаты обрывки вожжей.

Маргарита нашла его в госпитале в Тбилиси, в отрешенном оцепенении, со сжатыми до синевы кулаками. На подушке лежала голова совершенно незнакомого ей человека – редкие, всклокоченные седые волосы, ввалившиеся щеки и остановившийся взгляд ничем не напоминали ей брата. Спустя время он научился реагировать на окружающий его мир, но – в черно-белом, искаженном виде. Он не признавал потерю любимой женщины и будущего ребенка. Просто они ждут его в известном только ему месте. Ему нужно накопить денег, чтобы увезти их через океан, в другую страну, где нет войны, где всегда тепло и их мир снова наполнится светом и добром. А пока... пока мир для него застыл.

Маркос получал военную пенсию, надбавку за инвалидность, но никогда не тратил на себя ни копейки. Маргарита несколько раз просила брата одолжить ей денег, но он отказывал, говоря, что жена с ребенком голодают и ждут его. Поговаривали, что он скупает николаевские золотые червонцы. Но что не скажут про больного, безумного человека! В конце пятидесят девятого года к нему пришли с обыском. Видимо, кто-то «капнул». В пустой комнате кроме железной продавленной кровати, убогого, пустого шкафа и колченогого стола ничего не было. Пока один в штатском и два милиционера копались в его комнате, Маркос, оставленный без присмотра на балконе второго этажа, встал на перила и ласточкой прыгнул во двор. От смерти его спасли веревка с бельем, натянутая на первом этаже, и ветви акации под балконом. Обыск ничего не дал, Маркос пролежал с переломом ноги и сотрясением мозга несколько месяцев. В шестьдесят третьем его не стало, когда его обнаружили, выяснилось, что он умер от голода. Его похоронили Маргарита и со-

Нонна Хотяновская и Ирина Петрова.
Середина 1950-х гг.

Петр Хотяновский с племянницей Ириной Джорбенадзе. 1961

седи, собрав в складчину необходимые для этого печального действия, средства. Комнату опечатали на несколько месяцев, новые жильцы сорвали печать выкинули старую мебель во двор. Соседи растащили ее на дрова. Когда же от стола оторвали ножки, из чрева одной из них выкатилось несколько золотых червонцев...

Заслуженный художник Грузии Оник Тигранович Вартанов со своей дражайшей женой Марго занимал две комнаты с уличным балконом на втором этаже. Он обладал колоритной внешностью: просторный бархатный балахон ниспадал с его покатых, широких плеч, затем плавно огибал широкое, могучее тело с респектабельным округлым брюшком, придававшим образ мэтра. Заканчивался балахон в районе колен эффектными широкими продольными складками с большими накладными карманами по бокам и одним на груди, из которого всегда выглядывал экстравагантного вида, но всегда гармонирующий с общим стилем художника, платочек. Наряд венчала пропорционально большая голова с пронзительными глазами под пенсне (в торжественных случаях) или элегантных очках в оправе из золота (или под золото?) с эффектно, как и положено большому Мастеру заброшенными назад густыми волосами. В пространстве он перемещался какой-то особенной, пружинистой походкой с вертикально поставленным туловищем, которое при ходьбе не раскачивалось. Походка эта была абсолютно бесшумной, а его способность появляться совершенно неожиданно в разных уголках балкона второго этажа заставляла шkodливую малолетнюю часть обитателей нашего дома-корабля всегда быть начеку. Очень хочется описать и верного «санчопансу» Мастера – его единственную и непоколебимую жену Марго.

Марго была значительно ниже мужа и стояла на ногах потрясающей по своему радиусу кривизны. Несмотря на это, она очень шустро передвигалась по этажу, курсируя между квартирой и общей кухней на несколько семей, готовя пищу своему дражайшему и единственному, или на водяной бане столярный клей и грунт для холстов. Длинная юбка почти до пят скрывала вышеозна-

Нонна Хотяновская и Петя. 1952

ченный огрех природы. Чернобурая лиса постоянно проживала на плечах Марго, независимо от сезона и температуры окружающей среды, когда она покидала по тем или иным делам пределы дома. Неизменная маленькая шляпка с вуалью – на кусте из пружинки жестких кучерявых волос, давших повод Мастеру ласково называть ее дома «Пушкин». Особенно колоритным было зрелище совместного выхода супругов в свет: Оник Тигранович шел чуть впереди, Марго следовала за ним в кильватере – из-за невозможности находиться рядом по причине большой амплитуды колебания при ходьбе на ногах особой геометрической формы.

Оник Тигранович был хорошим и зачастую незаменимым соседом по части ведения застолья разной направленности и тематики: от свадеб до поминок. Он подходил к порученным обязанностям очень ответственно и, как положено мастеру, творчески.

Готовил материал для тостов заранее, методом подробного опроса организатора застолья и не менее подробного конспектирования полученных данных. Для всех без исключения было загадкой, как он запоминает проштудированный материал, при этом не забывая шутить даже на поминках, да так ловко, что убитые горем родственники остаются ему признательны за доставленное удовольствие (если таковое можно получить от поминок). Все эти мероприятия Оник Тигранович виртуозно

проводил и на русском, и на грузинском, и на армянском языках. Без потери качества, с присущим ему блеском. Звание «заслуженного армянина Грузинской ССР», которое он себе присвоил, принадлежало ему по праву.

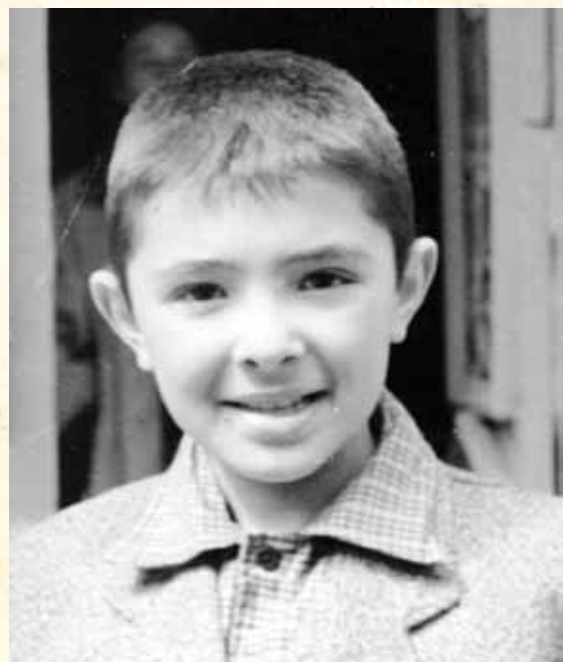
Как я уже упоминал, Оник Тигранович добывал себе хлеб насущный художественным ремеслом. Вы не подумайте, что отсутствие таланта заставило его опуститься до уровня ремесленника-иконописца (терминология моего деда). Как говорится, очень даже наоборот. Получив отличное художественное образование за рубежом и обладая хорошим вкусом, верной рукой и чувством меры, Оник Тигранович был, на мой взгляд (и не только на мой), замечательным художником. С его мольберта сходили, пусть и не часто, работы в стиле старых голландских мастеров, замечательные портреты, натюрморты и пейзажи. Несколько его картин сохранилось в нашей семье. Все это было для души, для истинных ценителей живописи и для персональных выставок, которые, увы, были весьма редки.

Случилось так, что Оник Тигранович, являясь членом Союза художников Грузии, был отлучен от полноводной реки заказов, поступающих в этот союз, и выгодных как с творческой, так и с материальной точек зрения. Поэтому ему оставалось одно ремесло – рисовать портреты советских вождей, каждого в нескольких экземплярах. Они были востребованы по следующим причинам: уход на пенсию предшественника, уход в мир иной предшественника, физический износ портрета лидера, возрастные изменения лидера, иные причины. Технология была изобретена задолго до Оника Тиграновича – конвейер Генри Форда-старшего. На общем балконе, выходящем во двор, расставлялись десятка полтора стульев, выполнявших функции мольбертов. Тут вступала в процесс Марго, которая прикладывала к холсту контур очередного

лидера, углем обводила трафарет и переходила к следующему стулу. Следом к этому конвейеру подходил Оник Тигранович и четким движением мастера наносил серию мазков, перенося краски с внушительного размера палитры на холст. Операции повторялись до полного соответствия изображения на холстах с изображением на фото. Конвейер оживал в преддверии праздников и выборов. Должен отметить, что рука Мастера добивалась идеального сходства с оригиналом, несмотря на поточный метод. Я снимаю шляпу!

Но однажды предприимчивость Мастера дала осечку: внеочередной съезд КПСС снимает с должности первого секретаря партии, в переводе на русский язык хозяина страны. Это происходит незадолго до какого-то праздника, к которому наш Мастер подготовил внушительную серию Никит Сергеевичей Хрущевых, враз оказавшихся бывшими... «Скорая помощь» и близкие соседи долго не покидали покоев семьи Вартановых. Через пару дней, мужественно пережив тяжесть утраты, чета, с чернотой под ввалившимися глазами и элегантно пристроенными на головах (недаром художник!) белыми повязками от головной боли, срочно, хмуро и

Саша Эксерджян. Конец 1950-х гг.

методично забеливала портреты первых секретарей Хрущевых для последующих изображения генсеков Брежневых...

У меня было замечательное детство. Мое пребывание в «пенитенциарных» учреждениях типа детский сад и школа с лихвой восполнялось той атмосферой любви и заботы, которые мне дарили моя матушка, Баба Ира, Папа Деда и другие члены нашей большой семьи...

Мне пять лет. Я хожу в ненавистный мне детский сад, на мне – белый, накрахмаленный, давящий на горло белый халат. Это – униформа. Без него нельзя. Его невозможно снять, так как он застегивается сзади на многочисленные пуговицы. Под халатом – лиф с двумя резинками, которые держат чулки. Это убожество сороковых-пятидесятых унижало и угнетало детей с малых лет...

Мне девять лет. Родилась Ира, моя сестра. Она тяжело болеет, так как в роддоме ее заразили, как говорит мой дед, какой-то дрянью... А я заболела свинкой, за которой – осложнение на аппендицит, сложная ночная операция, в больнице подхватываю корь. Мой дед назвал это «пожар в бардаке во время наводнения». И правда. Я поражаюсь – как мои родители, а в большей степени Мама, все это выдержали... Я три месяца не был в школе и полностью от нее отвык. Мне взяли педагога-репетитора и я догоняю своих одноклассников, чтобы не остаться на второй год. Перейдя благополучно в четвертый класс, я сделал вывод – учиться мне не интересно. Тогда же я сделал открытие: среди одноклассников есть девочки, и среди них одна, которая мне нравится больше остальных. Тоненькая, хрупкая, опрятненькая, не задавала, в красивой розовой шубке, Тата Барская произвела на меня большое впечатление. Видимо, перенесенные мною страдания физические из-за моей длительной болезни, и страдания морально-душевные, связанные

Последний звонок. Саша – второй слева. 1967

Через сорок лет с одноклассниками. Саша слева

с дополнительными занятиями с репетитором, заставили меня возмужать и проявить, наконец, признак пола.

Но это чуть позже, а пока я болею. Болею я всегда на диване Бабы Иры, который находится у нее в комнате, где она обитает со своим Папой-Дедой. Это мои бабушка и дедушка, родители моей Мама. А почему у них такие странные клички? Да потому, что я их так называю. В разные периоды моей жизни мои Дедушка и Бабушка внесли неоценимый вклад в мое воспитание и становление меня как личности. Их уже давно нет на этом свете, но они есть там, где они есть, и я с ними постоянно на связи, они всегда со мной. У мамы есть два брата, млад-

ший – Петя и старший – Володя. Они уже взрослые. Володя, по прозвищу Буба, живет в Литве, в Вильнюсе, он журналист. Для меня эти слова «Вильнюс», «журналист» имеют магический смысл. Когда Буба приезжает к нам в Тбилиси почти из-за границы, дома всегда переполох, приходят его друзья, эфир наполняется нарочито-тбилиским говором Бубы и смешными воспоминаниями его одноклассников: «Тетя Ира, вы помните, вы забирали нас из милиции?». Баба Ира входит в роль, подыгрывает говорящему, говорит тосты... В то же самое время, в своем доме, бабушкин ученик корпит над домашним заданием, которое ему дала Ирина Владимировна. Зовут его Звиад

Александр Эксерджян в созданном им гоночном автомобиле. 2000

Гамсахурдиа. А к столу, за которым сидит Буба со своими однокашниками, в разное время сядут осваивать английский дети Василия Мжаванадзе и Эдуарда Шеварднадзе...

А дядя Петя – насмешник и хохмач, альпинист и горнолыжник, прекрасный шахматист, любитель музыки и изящных искусств, а также не менее изящных женщин и пользующийся большим успехом у них же. Что бы он ни делал – варил ли кофе, собирал рюкзак и альпинистское снаряжение, прикручивал ли крепления к лыжам или играл с друзьями в шахматы, – он делал это с таким смаком и элегантностью, что мне хотелось стать этим рюкзаком или альпенштоком, чтобы увидеть горы его глазами... Мне всегда было интересно слушать, что он говорит, за исключением его мнения обо мне. Его друзья, его образ жизни и мышления всегда были объектом моего подражания, что категорически не укладывалось в представление моего отца о моральном облике подрастающего поколения. По причине Петиной беззаботной молодости, успеха у женщин и наличия преступных бунтарских взглядов в виде узких брюк, любви к джазу и кофе...

Мне двенадцать лет. У меня есть «воздушка» – наследство дяди Пети. Это – моя гордость, мое оружие против фашистов, пиратов и других врагов, которые могут обитать в чаще непроходимых лесов на разных этажах нашего дома. В комнате бабушки висит портрет Сталина. В порыве преследования неприятеля я попадаю в глаз Вождю самодельной пулькой из промокашки. Восхищенный своей сноровкой ворошиловского стрелка, значок которого был у меня по такому случаю на груди, я показываю свое достижение маме. Что после этого стало происходить со мной и с моими домо-чадцами, не передать словами, но я постараюсь. Испуганные глаза Мамы, укоризненно поджатый рот Бабушки и странные словосочетания Деда: этот бандит, мать его... далее непонятно. Получаю порцию по заднице, уже не помню от кого, «воздушка» реквизирована, а портрет аккуратно очищен от скверны и водружен на место. Вот тогда я увидел СТРАХ, увидел своими глазами...

Отцовские гены механика подавили творческие и интеллигентные гены моей Матушки. В длительной и изнурительной борьбе двух противоположностей к моему совершеннолетию окончательную победу во мне одержал технарь, и я превратился, по выражению моего Деда, в слесаря-интеллигента... Желание перенести на бумагу свои мысли появилось у меня в 13-14 лет, благодаря моему Отцу. Примерно в то же время я стал обуреваем жадой технического творчества и принялся изобретать всевозможные механизмы и устройства, включая велосипед. Докучая папе своими «гениальными» мыслями первооткрывателя, я расска-

Двор «дома-корабля» сегодня

зывал ему о посетивших меня мыслях и озарениях. Будучи талантливым инженером и изобретателем, он дал мне самый главный совет, определивший мою судьбу: любые идеи, подлежащие дальнейшему обсуждению и анализу, излагать на бумаге в виде эскизов, если это механизмы, и в виде текста по их описанию. И через некоторое время мой ящик был переполнен кипами бумаг – эскизов с придуманными мной механизмами вперемешку с рассказами и стихами...

А в те далекие дни, за столом, где сидит Буба со своими однокашниками, никто не знает, какая беда придет в наши дома через какие-то, незначительные для истории, 25-30 лет. Мы тогда об этом даже и не подозревали. Мы сидели, пили вино, прославляли свой дом и край, и рассказывали смешные истории из детства, травили анекдоты и веселились...

Пара слов о некоторых героях очерка. Баба Ира – легендарный педагог английского языка Ирина Владимировна Петрова, давшая блестящие знания многим поколениям тбилисцев. Дядя Петя – один из лучших драматургов Грузии Петр Хотяновский. Сестра Ира – известный журналист Ирина Джорбенадзе.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ჯ ი შ ვ ი ლ ი

ГОРОД САРАТОВ
ПАМЯТНИК САРАТОВСКОЙ ГАРМОШКЕ